

Жиль Ферреоль

СОЦИОЛОГИЯ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

2-е издание

Жиль Ферреоль — профессор Университета Пуатье, научный сотрудник Парижского университета, член административного совета Института экономических и социальных исследований (*Institut de Recherches Economiques et Sociales*). Один из ведущих социологов Франции, автор многочисленных книг, в том числе трех учебников по социологии, пользующихся широкой популярностью во многих европейских вузах.

«Социология — это исследование человека, но не его телесного, душевного, а его социального существа, стало быть, телесного и душевного лишь постольку, поскольку оно обуславливает социальное. Таким образом, мы хотим познать и изучить не только те умонастроения и движущие силы, которые соединяют одних людей с другими, удерживают их вместе, побуждают или стимулируют их к совместным действиям и взаимодействию, но и, прежде всего, возникающие вследствие этого продукты человеческого мышления, необходимые для сохранения и поддержания общей сущности...»

Фердинанд Тённис

Заказ наложенным платежом:

197198, С.-Петербург, а/я 619
e-mail: postbook@piter.com
для жителей России

61093, г. Харьков-93, а/я 9130,
ООО «Питер»
e-mail: piter@tender.kharkov.ua
Тел.: (0572) 23-75-63,
(факс) 28-20-05
для жителей Украины

Посетите наш web-магазин:
www.piter.com

ISBN 5-94723-488-2

Жиль
Ферреоль

СОЦИОЛОГИЯ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

2-е издание

Gilles
Ferreól

VOCABULAIRE
DE LA
SOCIOLOGIE

2e édition

Жиль
Ферреоль

СОЦИОЛОГИЯ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

2-е издание

Научный редактор перевода на русский язык
доктор социологических наук Д. В. Иванов

ПИТЕР®

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара
Киев · Харьков · Минск
2003

ББК 60.5я21
УДК 316(083)
Ф43

Ф43 Социология. Терминологический словарь / Ж. Ферреоль. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 160 с.: ил.

ISBN 5-94723-488-2

В данном словаре представлены основные термины и понятия социологии, как классические, так и те, чье появление было обусловлено требованиями современности. Кроме того, в статьях освещены важнейшие методологические аспекты данной науки. Особое внимание уделено основным полям исследования, таким как семья, образование, коммуникация и культура, социализация, девиантность, стратификация и т. д. Книга адресована социологам, психологам, политологам, а также всем, кто пытается понять, по каким законам живет и развивается система «человек—общество».

ББК 60.5я21
УДК 316(083)

ISBN 2 13 046836 5 (франц.)

ISBN 5-94723-488-2

© Presses Universitaires de France, 1995
© Перевод на русский язык
ЗАО Издательский дом «Питер», 2003
© Издание на русском языке, оформление
ЗАО Издательский дом «Питер», 2003

Введение

Как и всякая другая дисциплина, социология, которую Огюст Конт назвал «научным изучением организации человеческих обществ», имеет особую область исследования, специфические методы анализа и терминологию. Для этого издания было выбрано шесть десятков классических терминов. Некоторые из них (например, «аномия», «коллективное сознание», «отчуждение», «классы», «бюрократия», «идеальные типы») ассоциируются с именами отцов-основоположников науки, в данном случае Эмиля Дюркгейма, Карла Маркса или Макса Вебера; другие, подобно понятиям парадигмы или структуризации, указывают на различные теоретические направления в зависимости от того, привязаны они к понятию трансакции или понятию социального факта.

С другой стороны, не забыты и методологические аспекты: в этом отношении внимание уделено «темному числу» и триангуляции, зондажам и опросам (в том числе в статьях, посвященных установкам, мобильности или самоубийству). Важное место также отведено представлению основных полей исследования, таких как семья, образование, коммуникация, культура, социализация, девиантность, стратификация, изменение, условия мобилизации и процедуры регуляции. Кроме того, есть темы (в частности, неравенство, власть, конвенции, организации, идентичность или представления), требующие дополнительного разъяснения средствами

других наук, таких как политология, экономика, антропология и когнитивная психология.

Читатель наверняка заметит, что во многих случаях приводимые определения не совпадают с определениями обычного знания. В зависимости от сюжета акцент может быть сделан на этимологии, семантической эволюции, сопоставлении теорий или моделей, количественных или качественных данных. Во многих статьях упомянуты или предложены ссылки, «ассоциации» или корреляты: так, «статус», «габитус», «общность», «понимание» и «групповая динамика» связаны отношениями противоположности или взаимодополнительности с такими понятиями, как «роль», «этнос», «общество», «объяснение» и «социометрия». Скорее всего, часть читателей выразят свое сожаление, что описание того или другого понятия получило в рамках этой книги недостаточное развитие или, напротив, было рассмотрено излишне подробно. Однако на подобные сетования обречены все работы такого рода. Со своей стороны мы постарались, учитывая наш опыт преподавания, а также требования и ограничения данной серии¹ книг, составить базовый словарь, представляющий основное, превыше всего ставя строгость и ясность определений, не теряя при этом из виду сложности вопросов. Если читатель захочет более глубокого обсуждения какой-либо темы, в конце данного словаря он найдет библиографические ссылки, позволяющие лучше ознакомиться с современными дискуссиями.

¹ Авторы имеют в виду образовательную серию *Que sais-je?* издательства PUF, в которой книга была издана во Франции. В серии выходят книги стандартного объема (128 с.), материал излагается в сжатой и доступной форме; рассчитаны книги на широкую читательскую аудиторию. — *Примеч. ред.*

Аккультурация (*acculturation*). Как писали Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц в знаменитом «Меморандуме», опубликованном в журнале *American Anthropologist* в 1936 г., термин «аккультурация» заимствован из словаря североамериканских антропологов конца XIX в., впервые употреблен Джоном Пауэлом. Популяризированный культуралистской школой, он, в зависимости от некоторых специфических признаков (формальной или материальной природы), одновременно обозначает: механизмы обучения и социализацию, интеграцию индивида в чужую для него среду и, шире, процессы и изменения, вызываемые взаимодействиями или прямыми и продолжительными контактами между различными этническими группами в случае вторжения, колонизации или миграций, идет ли речь об обменах, заимствованиях, противостоянии или отторжении, ассимиляции или аккомодации, синкретизме или новой интерпретации.

Аномия (*anomie*). Впервые этот термин появился в 1884 г. в «Очерке о морали без санкций и обязательств» (*Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction*) Жана-Мари Гюйо. С философской точки зрения понятие аномии обозначает, в противоположность кантовской точке зрения и в связи с индивидуализацией верований и систем представлений, отсутствие фиксированного универсального закона, особенно в сфере духовных целей. В работах Эмиля Дюркгейма по-

нятие приобретает смысловые оттенки негативности и отклонения: оно обозначает более или менее временное нарушение органической солидарности и прежде всего связано с патологической формой разделения труда, характеризующейся недостатком регламентации, слабым сотрудничеством и антагонизмом между наемными работниками и собственниками средств производства. Второе значение, опирающееся на понятие регуляции, относится к типу самоубийства, характерному для мира индустрии и коммерции и связанному не с угнетающей дисциплиной, а со взрывом желаний и страстей, с неопределенностью целей и ценностей, а также с подтвержденностью риску, неуверенностью, неудачами и беспорядком.

Это понятие, не употреблявшееся Дюркгеймом после 1902 г., вновь появляется во второй половине 30-х гг. XX в. в работах Толкота Парсонса и Роберта Мертона. Акцент при этом делается на нехватке доступных и законных средств и, шире, на феномене неравновесности, девиантности и рассогласования. Другие подходы, основанные на использовании шкалы установок, ориентированы на измерение вслед за Лео Шролем психического аспекта вышеназванных нарушений, характерного для ситуаций, в которых доминируют смирение и фатализм. Как отметил Филипп Беснар (Besnard, 1987) в большой работе, посвященной этой проблеме, толкования данного термина многочисленны, не лишены противоречий и неоднозначны.

Бюрократия (*bureaucratie*). Термин возник в середине XVIII в. под пером Винсента де Гурне, одного из первых либеральных французских экономистов. Опасения всевластия бюрократов, современной формой которых является страх перед технократией, восходят к давним временам. Разве Алексис де Токвиль не говорил об опасности возникно-

вения «огромного тотального деспотизма» в книге «Старый режим и революция» (*L'Ancien Régime et la Révolution*)? Даже сам Карл Маркс в ранних работах без колебаний критиковал гегелевское положение, согласно которому институты такого типа могли примирить частные интересы гражданского общества и общие интересы государства. Автор «Немецкой идеологии» добавлял при этом, что это посредничество создает дополнительную проблему, скрывая отношения господства. Отсюда и берет начало разоблачение этого «ужасающего паразитирования», которое воплощает «царство секретности и некомпетентности» и существование которого может быть лишь временным.

Веберовское понимание бюрократии располагается на другом уровне: уровне легитимности. Бюрократия в том виде, как она представлена в «Хозяйстве и обществе», представляет собой наиболее яркое проявление процесса рационализации, который на Западе постепенно происходит в любой сфере. Она характеризуется следующими чертами:

- постоянная организация сотрудничества на основании правил, безличных, эксплицитных и обязательных;
- разделение деятельности на четко разграниченные области компетенции, которые создают отношения субординации;
- централизация задач и иерархизация занимаемых должностей так, что каждый индивид в зависимости от своего образования и квалификации исполняет конкретную роль;
- полное разделение личной и профессиональной жизни;
- письменное подтверждение всех административных действий.

По Макс Веберу, речь идет о наиболее «объективном» и наилучшем образом адаптированном к сложности современного общества решении. Но между реальностью и представленной моделью существуют важные различия. Так, Роберт Михельс в своей работе о структуре политических партий, ассоциаций и профсоюзов, опубликованной в 1911 г., предсказывал не поддающееся контролю возникновение пробуксовывания механизмов делегирования власти: на смену первичным организациям и рядовым членам партий придет класс профессионалов, членов руководства, которые станут несменяемыми, удерживаясь у власти путем кооптации, и которые будут иметь тенденцию «обуржуазиваться». Это отклонение соответствует «железному закону олигархии», «предустановленной формы существования крупных социальных объединений».

Примерно в ту же эпоху другие авторы, такие как Гаэтано Моска или Вильфредо Парето, подхватили адресованные бюрократии упреки в тяжеловесности, рутине и неспособности к адаптации. В 1950-е гг. Роберт Мертон, Элвин Гоулднер и Филипп Селзник, пытаясь объяснить относительную неэффективность бюрократии и неспособность работать с индивидуальными случаями, делают акцент на существовании неполадок в системе.

Бюрократические процедуры, созданные как для регламентации поведения исполнителей, так и для предоставления клиентам услуг, которых те вправе ожидать, наряду с предусмотренными последствиями производят во многих случаях обратный эффект. Возникающие в связи с этим трудности, в частности косность поведения и невозможность индивидуального подхода, приводят иерархию к укреплению своих полномочий, к усложнению контролируемых процедур. В «Феномене бюрократии» (1963) Мишель Кро-

зь, развивая эту дискуссию, писал о «порочном круге», воплощении «французской беды» и «символе паралича», о «сопротивлении переменам».

Власть (*puissance*). Власть не сводится к своим прямым проявлениям — «производству желаемых эффектов», это понятие означает — в зависимости от намерений или разделенных ожиданий — «внутренне присущую человеческому действию способность к преобразованию», которая одновременно является и «диспозиционной» (т. е. существующей длительное время), и «реляционной» (исследования, связанные с субстанцией, атрибутами и игрой с нулевой суммой, уступают место рассуждениям в терминах полей, процессов и относительности). В этом отношении стоит использовать многоаспектный подход и обратиться к изучению тех приемов, при помощи которых имеющиеся ресурсы, распределенные неравным образом, могут быть мобилизованы и пущены в дело с учетом природы отношений повелевания и подчинения, типов стратегий и форм авторитета, разнообразия и градации необходимых санкций, оказываемого сопротивления и комбинаций или произвольного выбора между принуждением и приобщением, убеждением и задействованием обязательств.

Точка зрения структуриации в том виде, как она была представлена Энтони Гидденсом в книге «Строение общества» (*La Constitution de la société*; Giddens, 1987), также должна быть упомянута, поскольку предлагает рефлексию феномена господства. Это понятие не обязательно гегемонистское и однозначное и акцентирует в контексте взаимодействия в первую очередь практику субъектов действия не только в экономическом, но и в политическом плане. В свете этого, как отмечал Макс Вебер, полюс легитимности — в традици-

онном, харизматическом или рационально-легальном своих вариантах — представляется с этой точки зрения исходным.

Габитус (*habitus*). В аристотелевской традиции существовало понятие *hexis* (в Средневековье Альберт Великий и Фома Аквинский заменили его на *habitus*), обозначающее совокупность приобретенных стабильных установок, прежде всего этического порядка. В социологии подход, развиваемый Пьером Бурдьё начиная со второй половины 1960-х гг., привлекает наше внимание к важности для процесса социализации «систем (или матриц) восприятия, оценки и действия», одновременно устойчивых и поддающихся переносу, служащих основой «работы по внушению и инкорпорированию»¹.

При помощи определенного числа гипотез можно сопоставить объективные вероятности и субъективные ожидания, обеспечивая при этом «относительную независимость практик от детерминации внешних сил, действующих непосредственно в данное время». Эта «интериоризация внешнего» позволяет также совместить уникальность социальных траекторий и однородность представлений и поведения внутри групп или коллективов со сходными условиями существования.

Основанный на «двойной редукции» (сведении объективности к «дифференцированной позиции», а субъективности — к «поддержанию идентичности»), этот подход может оказаться весьма плодотворным, поскольку является рассмотрением в согласии, например, с работами Дюркгейма по эволюции педагогических институтов во Франции не

¹ Инкорпорирование в теории П. Бурдьё означает «проникновение» социальных структур в виде норм, правил, представлений «внутрь» субъекта. — *Примеч. науч. ред.*

с точки зрения «дрессуры» или «программирования», а с точки зрения интерактивности посредством понятия кодов или репертуара действий, служащих «руководствами», в контакте с которыми субъект может выделяться с большей или меньшей легкостью. Но поскольку теперь причинно-следственная связь не является вероятностной, остаются двусмысленные моменты. Кроме того, как справедливо заметили Клод Дюбар, Франсуа Геран или Лоис Ваккан, если рассматривать индивидов как простых исполнителей и если роли, исполняемые ими, объясняются лишь при помощи логики классов, как в таком случае происходят по-настоящему значительные перемены? Не обрекаем ли мы себя на некоторый механицизм, который позволяет все интерпретировать только в терминах воспроизводства или обусловленности?

Девиантность (*déviante*). Этот термин, вошедший в употребление сравнительно недавно, а именно в американской социологии в конце 1950-х гг., постепенно занял место таких терминов, как дезорганизация или патология. Он обозначает совокупность индивидуальных или коллективных форм поведения, которые воспринимаются как не соответствующие ожиданиям, нормам или ценностям, декларированным или разделяемым членами группы, и создают таким образом напряжение или конфликты, вызывают осуждение и порождают широкий спектр санкций, от порицания до изолирования, от замечания до наказания. В связи с этим могут быть упомянуты многие «рубрики», или «категории»: покушение на имущество, на личность или нравы, самоубийство, токсикомания, психические болезни, физическая неполноценность...

То, что рассматривается как легальное или, наоборот, как порицаемое, не зафиксировано раз и навсегда, а меняется

в зависимости от места и времени вслед за понятием о справедливом и несправедливом, добре и зле, истинном и ложном. Об этом свидетельствует эволюция представлений о сумасшествии. Если в Средние века королевский шут («дуррак при короле») имел право безнаказанно говорить правду, превращая ее в шутку, то в XIX в. в чести медиализация: перемещение девианта в сумасшедший дом становится средством излечения и удаления от общества. Культурный релятивизм — «мелкая кража, инцест, убийство детей и родителей — все это в свое время числилось среди добродетельных деяний», как писал Блез Паскаль в «Мыслях» (*Pensées*; 1670) — не должен заслонить главное: девиантное поведение (это продемонстрировал Эмиль Дюркгейм в «Методологии», рассматривая различие между «нормой» и «патологией») соответствует «повреждениям коллективного сознания» и встречается во всех обществах, какой бы ни была стадия их развития. Утверждение, что это могло бы быть не так, наивно или нереалистично.

Могут быть предложены различные способы анализа. Для начала обратимся к функционалистской парадигме. Рассмотрим в этой связи типологию, разработанную Робертом Мертоном (см. его работу *Éléments*). Если «конформист» придерживается общепризнанных ценностей и использует законные способы для их достижения, то «инноватор» ставит перед собой социально одобряемые цели, но способы, к которым он прибегает, если и не осуждаемы, то во всяком случае воспринимаются неоднозначно. «Ритуалист» более привязан к букве, чем к духу. Практика «ухода» характерна для тех, кто решил выйти из игры: бродяг, наркоманов или клошаров. «Бунтовщик», в свою очередь, не принимает предписанных кодов и сражается с существующими правилами.

В центре внимания — несоответствие между целями и средствами.

С точки зрения социального контроля выработка и интериоризация норм оказывается определяющей. Как писал об этом Говард Беккер в работе «Аутсайдеры» *Outsiders* (1963), «поскольку тот, кто наделен полномочиями применять некоторые законы (например, полицейский), в своем занятии находит оправдание собственному существованию, то его авторитет в рамках его функциональных обязанностей подчинен двум императивам. Во-первых, он должен оправдать существование своей должности, а во-вторых, завоевать уважение тех, кто наделил его полномочиями». Здесь неразделимы «нарушение границ» и «наклеивание ярлыков», поскольку власть группы, имеющей более высокий социальный статус, покоится на использовании различных функций принуждения. «Наклеивание ярлыков» (*labelling*) часто проявляется в эффекте «стигматизации». Затем можно посмотреть на пересечение двух «осей», одна из которых представляет природу совершенных действий, другая — вызванную ими реакцию или суждения. Для Ирвинга Гоффмана или Эдвина Лемерта девиантность является результатом сложного процесса выработки и конструирования. В игру вступают многие параметры: степень интегрированности, отношения силы, диспозиции, обусловленные статусом, пространственно-временной контекст, степень воздействия СМИ, наличие или отсутствие культурных конфликтов...

Все вышеперечисленные подходы при несомненной пользе в объяснении некоторых специфических аспектов делинквентности не могут претендовать на исчерпывающее понимание данного феномена. Можно пойти иным путем, отчасти восстанавливающим связь с учением великих классиков, таких как Сезар де Беккерия или Джереми Бентам. С этой

точки зрения можно говорить о стратегиях и субъективной рациональности, о выгодах и издержках, о возможностях и ситуации, другими словами, о рынках и организациях, схемах влияния и отношениях.

В последние несколько лет развивается междисциплинарный подход, включающий среди прочих антропологию, экспериментальную психологию и социолингвистику; его целью является изучение новых видов преступлений, таких как мошенничество с помощью информационных технологий, терроризм или депортация населения, причем внимание уделяется в первую очередь поискам связей между исходной социальной средой, биографией, принадлежностью к той или иной социальной категории и образованием.

Диалектика (*dialectique*). Изначально задуманная Зеноном Элейским как «искусство диалога», или как «способность к дискуссии в вопросах и ответах», с разделением вещей по «родам» и «видам», диалектика включает в себя многие варианты, среди которых идеализм Гегеля и исторический материализм. Причисленная сначала стоиками, затем схоластами к области формальной логики, а не риторики, отнесенная Кантом к иллюзиям или софизмам, диалектика считается подходом, способным обеспечить последовательность нашей мысли и может быть охарактеризована как процесс, при помощи которого дух восходит от чувственно воспринимаемых явлений к первоначалам и к наиболее общим понятиям, с тем чтобы проверить данные интуиции, выявить очевидность истины и уберечься от ошибок, заблуждений и прочих «тщетных ухищрений». Напряжение между любовью и долгом, личными целями и всеобщей справедливостью раскрываются противоположными утверждениями, исходя из которых может быть осуществлен глобальный синтез — будь то абсолютный дух или классовая борьба.

Идея противоречия, или дуализма, заключена в сердце аргументации. Противоположность субъекта и объекта, теории и практики очевидна. Но эти расхождения нельзя назвать кардинальными, и мы можем подняться над ними. Приведем пример. В марксистской традиции отчуждение ведет к процессу опредмечивания. Отторжение своего «я» влечет за собой деградацию и страдание. Человек отныне становится чужим сам себе. В акте производства объект материализуется, приобретает независимое существование: он превращается в «вещь». Но опредмечивание никогда не является полным. Труд, названный Гегелем «сдержанным желанием», формирует и развивает. Работа слуги является для раба возможностью подняться над своим печальным положением. Он учится предвидеть, размышлять и получает доступ к разуму. Напротив, господин, занимаясь только уничтожением богатств в потреблении, обречен на праздность и прожигание жизни. Настолько, что будущее уже не принадлежит ему. Будучи инструментом господства, производство позволяет также освободиться от воли обстоятельств и открывает доступ к миру культуры.

В 1950-х гг. этот сюжет был подхвачен многими авторами, среди которых в первую очередь нужно назвать Жан-Поля Сартра, Георга Гурвича и Анри Лефевра. Единство противоположностей подразумевает взаимность, поляризацию, взаимную обусловленность и превращение причинно-следственной связи в замкнутый круг. Оно становится частью движения к тотализации и означает в зависимости от обстоятельств содержание сознания, военное столкновение или волю к эмансипации. Лишенная политических и идеологических ассоциаций, эта «практика» привлекает внимание к существованию «непредвиденных последствий» или эмерджентных свойств. Наилучшая иллюстрация — «само-

реализующийся прогноз». Поверив в неизбежность предсказанного банкротства, клиенты в массовом порядке снимают средства со счетов банка: банкротство, которого опасались, становится реальностью.

Главной опасностью, от которой нужно застраховаться, — делает вывод Льюисен Гольдман в своей работе *Le Dieu caché*¹ — остается «принятие однозначной позиции: или “да”, или “нет”; соответственно «единственная возможность познания человеческой реальности — и Паскаль открыл это за два века до Энгельса — состоит в том, чтобы сказать и “да”, и “нет”, объединить две крайности»², подняться над антиномиями при помощи мысли, которая сама прокладывает себе путь в попытке выразить и прошлое, и будущее, объединить знание и власть, себя и «другого». Это предполагает, в терминологии Фердинанда Гонзета, знание, «сотканное из опыта и разума», которое будет одновременно совершенствуемым и открытым для пересмотра.

Группы малые: групповая динамика (*groupes restreints (dynamique des)*). Интуитивно любой представляет себе, что такое малая группа: семья, спортивная команда, школьный совет и т. д. Но, тем не менее, не так-то легко определить ее границы. В первом приближении можно принять, что это выражение означает «небольшое количество индивидов», между которыми существуют «тесные человеческие отношения». Это лаконичное определение позволяет сделать разграничение между малой группой и такими понятиями, как толпа («психологическое единство с эмоциональной доминантой», согласно Гюставу Лебону) или группировка (объеди-

нение, в котором взаимодействия носят поверхностный характер). Затем можно рассмотреть совокупность специфических характеристик: активное преследование общих целей, высокий уровень структурирования, существование собственных норм, важность сотрудничества и взаимодействия «лицом к лицу»... Таким образом, существует множество элементов, которые нужно принять во внимание во избежание смешения понятия малой группы с понятием шайки (более или менее организованной) или вторичных групп (по своей природе формальных, контрактных и обезличенных).

Уточнив терминологию, проверим, какими средствами мы можем воспользоваться для изучения этого феномена. Прежде всего приходит на ум включенное наблюдение. Эта техника заимствована у этнологов, которые в процессе подготовки к изучению примитивного племени, не колеблясь, поселяются рядом с ним и живут на протяжении нескольких месяцев, а иногда и лет.

Леон Фестингер взял на вооружение эту технику для проверки своей теории диссонанса. Речь шла об анализе процесса изменения мнения у субъекта, столкнувшегося с сообщением или информацией, противоречащей его мировоззрению. Когда по какой-либо причине внутреннее согласие рушится, субъект испытывает психологический дискомфорт, который приводит к использованию им «стратегии редукации». Выход из состояния напряжения может произойти посредством перемены точки зрения, через смягчение различий между «собой» и «другим» или через опровержение аргументации, противоречащей убеждениям. Если сбор данных путем включенного наблюдения поставляет важные сведения, тем не менее нужно не терять из виду ограничения, присущие этому методу. В самом деле, присутствие

¹ Paris, Gallimard, 1955, p. 187.

² Там же.

наблюдателя не является нейтральным фактором, оно может изменить «правила игры». Не так-то легко оставаться объективным, когда тебя откровенно провоцируют.

Якоб Леви Морено, психиатр румынского происхождения, принявший американское гражданство в 1935 г., использовал в своих работах идею графической интерпретации отношений симпатии внутри групп. Социометрический тест заключается в опросе каждого участника по поводу коллег, которых он предпочитает, или, наоборот, с кем не хочет общаться, или кто ему безразличен. Все эти данные объединяются в социограмму. «Диады», «триады», «каре» и другие виды «клик» выделяются посредством установления линий связи, центральности, симметрии. Исследования, проведенные Ренато Тагиури, Джеромом Брунером и Полом Блэкли, обогащают наше понимание этих обменов и служат разработке «диагностики социальности», основанной на различных показателях, среди которых — избирательное соответствие, чувствительность в отношениях, прозрачность и острота восприятия. Таким же образом дело обстоит с «методом колеса», описанным Жаном Майсонневом во многих работах.

Эта попытка «математизировать психологические свойства индивидов» опирается на комбинаторный анализ, анализ матриц и теорию графов. На них также непосредственно основаны психодрама и ролевые игры.

Тем не менее подобные приемы являются слишком описательными и не затрагивают проблемы интерпретации. Кроме того, используемая анкета не отвечает требованиям к настоящему тесту: не существует эталона и условия ее заполнения далеки от стандартизированных, поскольку для каждого изменения и каждой конфигурации требуется свое объяснение. Некоторые также задаются вопросом, оправданно ли

приоритет отдается ценностям «спонтанности» и «креативности».

Анализ взаимодействий, как утверждает Джордж Хомаис, может также применяться к феноменам обмена или коммуникации. В таком случае в первую очередь нас интересуют наблюдаемые формы поведения, тогда как эмоции, фантазмы или страхи могут быть выявлены социометрическими, клиническими или психоаналитическими методами. Существует классификация Роберта Балеса, в которой мы находим двенадцать категорий, соответствующих трем видам реакций: позитивной, нейтральной и негативной. Эта классификация основана на подсчете частоты исходящих и принятых сообщений в рамках собрания с участием ограниченного числа лиц. При позитивной реакции доминируют согласие, солидарность и отсутствие напряжения. При нейтральной (которая является следствием проблем в ориентации, оценке или влиянии) индивид ищет помощи и совета, но может также высказать свое мнение и поделиться своим опытом. Третий вариант отмечен напряжением, присутствуют антагонизмы или, шире, отказ от интеграции. Чем выше статус индивида, тем важнее устанавливаемые им контакты. С другой стороны, чем выше количество участников, тем более централизованной становится структура. Существуют также другие классификации, основанные на умениях, которые группа использует для разрешения трудностей (Барбара Хайнц), на мотивации (Бернард Штейнцор), на лидерстве (Лаунор Картер). Хотя эти методы характеризуются строгостью и точностью и представляют несомненную педагогическую пользу, они используются все реже как по причине большой сложности, так и потому, что не могут охватить всего.

Знание: социология знания (*connaissance (sociologie de la)*). Познание (как и верования или идеология), традиционно рассматриваемое как процесс, связывающий субъекта и объекта, может быть проанализировано вслед за Максом Шелером, Карлом Маннхеймом или Питиримом Сорокиным с точки зрения условий протекания самого процесса или определяющих его социальных факторов. В соответствии с этим рассмотрим отношения между знанием и властью.

Здесь нужно сделать несколько исторических ссылок. Сразу подчеркнем, что современная наука родилась и развивалась в культурном контексте, сильнейшим образом отмеченным идеей рациональности. Для греков единственным путем, ведущим к мудрости, были умозрительные рассуждения. От этого зависит благо, т. е. занятие справедливой и гармоничной позиции по отношению к самому себе и своему окружению. Это свойство познания воплощается в созерцании истины, *sub specie aeternitatis*¹. Если верить Аристотелю, мы входим при этом в «высшее состояние единства», в котором все противоречия существования преодолены, где мы побеждаем иллюзии, ложные верования и то, что кажется очевидным в обыденности. Такой способ восприятия, разумеется, не исчез, но сегодня его недостаточно.

Говорим ли мы об экспериментах или интересуемся проверкой теорий, все более важное значение придается операциональной составляющей, характеристики которой таковы:

- определяющие ее свойства не зависят от природы объектов, на которые она направлена;
- значима форма действия, а не его материальность;

¹ Под знаком вечности. — Примеч. перев.

- рассмотрение объективируемой целостности, которая при необходимости может быть представлена как часть (с точки зрения операции более высокого уровня);
- данная процедура не является изолированной, она интегрирована в сети, которые способны расширяться по мере появления новых обобщений;
- важность трансформации.

В этом отношении могут быть выделены три перспективы. Первая существует в рамках эмпирического подхода и основана на проверке гипотез экспериментальным путем. Вторая основывается на теоретизировании и защищается, например, эпистемологией Башляра. Последняя, появившаяся недавно, обращена к институциональному уровню и рассматривает исследование с организационной точки зрения (образование, обмен с коллегами, политика и популяризация). Эти концепции при всем их различии не противостоят, а дополняют друг друга и позволяют лучше понять функциональные ограничения (критерий внутренней согласованности) и открытость для внешних воздействий (связь с обществом и культурой).

В этом отношении стоит упомянуть работы Роберта Мертона. В своей докторской диссертации *Science, Technology and Society in the Seventeenth Century England* (1938) он рассматривал в первую очередь развитие науки в Англии в XVII в., решающую роль в котором он приписал пуританству как воплощению «морали в действии». В том же году появилась публикация *Science and Social Order*, разоблачающая опасность, которую различные формы тоталитаризма представляют для независимости исследования. Четырьмя годами позже в *The Normative Structure of Science* выделяются нормы «общности», «универсализма», «бескорыстия» и «организо-

ванного скептицизма». Данный *этнос* не всегда соблюдается, поскольку необходимо учитывать значение конфликтов и пристрастий. Признание со стороны равных по статусу коллег, присуждение премий или грантов, степень успешности или известности не обязательно зависят от простой продуктивности. И то же можно сказать о работе лабораторий, о назначениях редакционных комитетов или комиссий по приему на работу, которые не являются второстепенными и связаны с довольно сложными процедурами или кодификацией.

Введенный Томасом Куном в эпистемологию в начале 1960-х гг. термин «парадигма», помимо традиционного, «обрастает» новыми значениями. Можно определить его как «сознательную или подсознательную ментальную структуру, которая служит для предварительной, предшествующей глубокому изучению расшифровки реальности». Эта «дисциплинарная матрица» является синонимом «нормальности» и интерсубъективного консенсуса между членами некоего сообщества. Обновление касается инструментов анализа, схем изложения и процедур проверки надежности данных. В игру вступают многие элементы, в частности символические обобщения (формулы вроде $I = V/R$ или $f = mg$), модели (имеющие эвристическое значение и определяющие круг приемлемых аналогий и метафор), ценности (приверженность определенным принципам) и образцовые достижения (объяснение при помощи подручных средств загадочных, аномальных случаев). Но рано или поздно возникают неполнота или противоречия, которые могут угрожать построенной системе знаний в целом. В таком случае проявляется кризисная ситуация, которая подготавливает реструктуризацию, «прорыв мышления» (*insight*).

Были предложены и другие концепции, в которых используются такие термины, как эпистема, или «археология

знания» (Мишель Фуко), предположения и опровержения (Карл Поппер), «темата» (*thémata*) (Джеральд Холтон), творческая маргинальность (Маттеи Догган и Роберт Паре) или твердое ядро (Имре Лакатос). В свою очередь, Пьер Бурдьё остается приверженцем построения «логики функционирования полей символического производства», которая пригодна для выделения «процессов конкуренции и борьбы за присвоение легитимности». У Пола Фейерабенда, автора книги *Against Method* (1975), релятивистская позиция сочетается с «анархической теорией познания», основанной на правиле «все годится» (*anything goes*). Согласно Фейерабенду, превосходство галилеевой физики над аристотелевой не может быть доказано и является не более чем «иллюзией». «Сильная программа» Дэвида Блума позволяет перейти на новый уровень, поскольку приводит к утверждению, что «даже математические высказывания должны восприниматься и анализироваться как зависящие от социального контекста». По мнению таких авторов, как Йешуа Бар-Хиттель или Курт Хюбнер, ученые и эпистемологи должны стремиться к ограничению употребления понятий «истина» и «объективность». Этот тезис пользуется популярностью, например, среди представителей «рефлексивной этнографии» (Стив Вулгар, Брюно Латур), но, с другой стороны, он вызывает и многочисленные упреки в «радикализме». И в самом деле, можно опасаться, что такой подход — каким бы ни был при этом объем выполненной работы — дает лишь неполную, усеченную картину «жизни лаборатории». Напротив, динамику исследований необходимо поместить в соответствующие ей рамки, обращая внимание на дискурсивные приемы, схемы работы и способы проведения исследований.

Идеальный тип (*idéaltipe*). В веберовской¹ методологии идеальный тип — это абстрактная модель, сконструированная на основе характерных единичных признаков. Ее предназначение заключается не в описании, не в составлении усредненного профиля, а в разработке логической структуры при помощи упорядочивания и связывания изолированных и разбросанных феноменов с целью формирования целостной непротиворечивой «мыслительной картины» (*Gedankenbild*), основываясь на которой мы сможем понять, в чем состоят особенности события, ситуации или поведения.

В приложении к различным предметам изучения, таким как христианство, капитализм, бюрократия или сословие ремесленников, подобное представление, будучи одновременно внутренне согласованным и стилизованным, выполняет прежде всего эвристическую функцию и поэтому не должно восприниматься с позиции реализма. Речь идет не просто о «генетическом понятии», а о «рациональной утопии», о «значимой тотальности», которая может служить опорой или руководством при разработке гипотезы.

Идентичность (*identité*). Понятие идентичности многозначно: оно «обозначает и предьявляет», «оценивает или дискриминирует»; употребляемое в повседневной речи, оно является и частью психологического, психоаналитического, философского и, в несколько меньшей степени, социологического словаря. Определения очень разнообразны и порой противоречат друг другу. Классические исследования Рудольфа Гекеля и Людвиг Шюца констатируют состояния

«соперничества» или «приблизительности» трактовок. Над всеми расхождениями возвышается только наиболее общее значение: диалектика тождества и отличия и двойственная направленность: постоянство/изменения, внутреннее/внешнее.

Если некоторые исследователи вслед за Эриком Эриксоном или Джорджем Мидом видят здесь «субъективное отчетливое ощущение тождественности личности (*sameness*) и временной последовательности» (идушее от потребности в уважении, участии или оценке), то другие, находясь в рамках фрейдистской традиции, предпочитают указывать на конфликтные отношения между «Оно», «Я» и «Сверх-Я». В свою очередь, генетический подход, пропагандируемый Жаном Пиаже, делает акцент на процессе социализации одновременно познавательной, аффективной и экспрессивной природы. Индивид посредством языка впитывает и усваивает всю систему правил и кодов, которые позволяют ему общаться с себе подобными, обозначать свою принадлежность к одним группам и отчужденность от других. Можно дать определения через отношения к «другому» (зависимость, агрессивность), к «нам» (приобщение), или к действию (созидание), не забыв о влиянии создания видимости (раздвоение) и становления творчества (проект). В конце 1950-х гг. в дискуссию включаются представители символического интеракционизма: Говард Беккер и Ирвинг Гоффман, основываясь на своих исследованиях феноменов делинквентности, говорят о нарушении норм, вовлечении в девиантное поведение или о девиантной карьере, о стигматизации и наклеивании ярлыков. С другой точки зрения проблему создания идентичности освещает понятие габитуса, помогая нам лучше понять социальные траектории не только в двух аспектах (объективном и субъективном), но и

¹ Макс Вебер (1864–1920) — немецкий социолог, один из классиков мировой социологии. — *Примеч. науч. ред.*

в свете их последовательных трансформаций, учитывая сложность сочетаний и поляризации. Мы, таким образом, оказываемся в поле человеческих отношений, в котором субъект вынужден действовать исходя из формы трансакций, осуществляя синтез внутренних и внешних факторов своего действия, т. е. того, чем это действие является для самого субъекта, и того, чем оно является для других.

Поведение в сфере труда в качестве примера может быть интерпретировано на основе такой схемы. Любая профессия формируется вокруг собственных ценностей, а некоторые из профессий имеют более явно выраженную идентичность и представляют собой настоящие «корпорации»: это моряки, инженеры, дорожные рабочие, типографы... Все эти сообщества не являются однородными. Например, в нефтяном бизнесе культура продавцов (*traders*) совсем не тождественна культуре начальников (*majors*). В медицинских учреждениях администраторы противостоят врачам по многим позициям. И точно так же в научных учреждениях между исследователями и управленцами зачастую существуют натянутые отношения. В строительстве умения, техническое мастерство, и особенно самостоятельность и способность к адаптации, отличают квалифицированного рабочего (плотника или штукатура) от разнорабочего (водителя или землекопа). Можно рассмотреть множество конфигураций, и с этой точки зрения выделить вслед за Рено Сензолье четыре крупных типа идентичности, относящихся к популяциям или к специфическим контекстам. Хотя на сегодняшний день это может показаться анахроничным, идентичность единства объединяет всех тех, кто находит в массовом действии социальные связи и моральную поддержку. Основа тейлоризма — идентичность отстраненности — характерна для традиционных производственных организаций. Наибо-

лее маргинальные группы наемников — иммигранты — не находят в своем ближайшем окружении морального комфорта, на который они рассчитывали, и теряют мотивацию. Идентичность сепаратизма, или клановости, проявляется в отраслях, находящихся в процессе модернизации: она затрагивает категории наемных рабочих, чьи перспективы с точки зрения мобильности оказываются благоприятными. Союзы образуются избирательно, внутри малых групп.

Идентичность дела выдвигает на передний план знания и способность к анализу менеджеров или технических специалистов. Коллективные работы, подобные проведенным недавно под руководством Филиппа Берну или Клода Дюбара на материале различных фирм, столкнувшихся с важными технологическими изменениями, продолжают эту линию рассуждений и уделяют большое место тому, что обычно называется профессиональной идентичностью, связывая более тесным образом процессы биографии и коммуникации, пространства признания и легитимности, суждения о принадлежности и процедуры приписывания (атрибуции), мобилизации или конверсии.

Идеология (*idéologie*). Определенные верования, существующие в данной среде, могут считаться истинными, даже если они недоказуемы. Приобретая нормативный характер, они порождают ценности. Последние, в свою очередь, формируют специфические «мировоззрения» (*Weltanschauungen*). Если они обращены к для священному и трансцендентному, можно говорить о религии. Но если при этом они вписываются в рамки светского и имеют тенденцию к организации, к становлению обществ, мы уже говорим об идеологии. Этот термин появляется в первый раз в конце XVIII в. под пером Антуана Дестютта де Треси (*Mémoire sur la faculté*

de penser, 1796–1798). Он хотел, подобно Этьену де Кондильяку и его «сенсуалистской» философии, развить «науку о порождении идей», которая объяснила бы нам основы социального порядка. Но в дальнейшем этот термин приобретает презрительный оттенок: в частности, для Наполеона «идеолог» — ярый противник политики, тот, кто, как Пьер-Жан-Жорж Кабани, Доминик-Жозеф Гара или Константин-Франсуа де Вольнэ, отворачивается от реальности, чтобы найти убежище в абстракциях и вести коварную пропаганду, составленную из «праздных домыслов» и «темных хитросплетений». Как тогда объяснить приверженность позициям если и не ложным, то, во всяком случае, спорным? Подчиняется ли *homo sociologicus*¹ исходящим от общества импульсам вслепую? Нужно ли видеть в этом давление среды или плод рационального расчета?

Рассмотрим каждую из этих гипотез. Системы представлений, как утверждал Фрэнсис Бэкон в своем *Novum Organum* (1620), являются только «идолами», сотканными из ошибок устойчивого мнения. Укоренившись в рассудке, предубеждения мешают критическому дистанцированию и приводят к «фантазмагориям», «смещениям» и «переносам». Марксистский анализ, оперирующий такими терминами, как «затемнение», «притворство» или «ложное сознание», идет еще дальше и разоблачает разом эксплуатацию, господство и товарный фетишизм. Реальность воспринимается через *camera obscura*², деформирующую призму: мы получаем только «бледное отражение», «искаженное и перевернутое». Для

¹ Человек социологический (лат.)

² Букв. «темный ящик» (лат.) — оптическое устройство, использовавшееся в прошлом для получения изображений предметов. — Примеч. науч. ред.

автора «Восемнадцатого брюмера»¹ (1851) причиной этого процесса являются классовые интересы. Капиталисты рассматривают прибыль как справедливое вознаграждение за вложенный капитал, пролетарии думают, что уровень зарплаты должен соответствовать вложенному труду; ни одни, ни другие не могут при этом выявить связь между теорией стоимости и теорией прибавочной стоимости. Обновление совокупности норм или идей может быть обусловлено процессом имитации. В таком случае можно утверждать в духе Гюстава Лебона или Габриэля Тарда, что существуют вожди или харизматические лидеры, способные покорять, подчинять или «гипнотизировать» массы, которые, в свою очередь, представляются изменчивыми, легковерными и безответственными. Здесь большое значение придается заимствованиям и убеждению, обычаям и традициям.

Могут быть предложены и другие варианты. Вильфредо Парето говорит о «деривациях», Раймон Арон — о «светской религии» и «опиуме интеллектуалов», Ролан Барт — о «мифе», Мишель Фуко — о «дискурсивной формации», Пьер Бурдьё — о мнении (*doxa*) и установках сознания (*habitus*). Макс Вебер, со своей стороны, предпочитал употреблять выражение «символические организации»: благодаря таким «опосредствованиям», уточняет он, восприятие и убеждения структурируются, часто неявным образом, в течение жизни, отмеченной активными отношениями со многими группами. Более нейтральные формулировки опираются на социологию знания и ссылаются на идею «свободно парящей интеллигенции» (Карл Маннхейм).

¹ Имеется в виду работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарты». — Примеч. ред.

Эти различные конструкции служат опорой для коллективного действия и соответствуют различным ставкам в игре, идет ли речь об укреплении какого-либо социального института, о легитимации поведения и обязательств, или о «демонстрации» обоснованности определенных притязаний.

Таким образом, идеология не обязательно является темной и анонимной силой, владеющей толпой. Напротив, она часто становится результатом обдуманных решений, стратегии поведения. Кроме того, она имеет влияние не только на уровне целеполагания, но и на уровне выбора используемых средств. Вне ее невозможно никакое действие, поскольку даже царство объективности никогда не сможет полностью исключить игры страстей и власти. Учет текущей ситуации, этические и аффективные диспозиции, связанные с ней, позволяют установить, что в значительном числе случаев научные разработки, которые не свободны от неявно присутствующих верований, не могли бы существовать без них.

Институт (*institution*). От латинского *institutio* — основание, метод, обучение¹. Существуют три основных подхода к использованию этого понятия. С одной стороны, институт может рассматриваться с точки зрения праксиса. Так, например, в своем «Левиафане» (2651) Томас Гоббс предлагает нам рассуждать в контексте передачи власти или наделения полномочиями, подразумевая, что целью является только достижение общего блага при помощи гарантий договорных обязательств и защиты прав личности. Но также можно вслед за Максом Вебером рассматривать монополию на

¹ Буквальный и, как ни странно, наиболее близкий к социологическому содержанию перевод с латинского — установленный. — *Примеч. науч. ред.*

легитимные ограничения и ссылаться на совокупность норм и санкций, эксплицитным и формальным образом определенных не в рамках общности, а в рамках общества. Второе направление, которое можно найти как у барона Де ля Брэда так и у Эмиля Дюркгейма, придает значение верованиям и образцам поведения, которые, предшествуя индивидам, способны породить единство целого, идет ли речь о «духе нации» или о «коллективном сознании». Третья концепция не признает принцип эффективной автономии институциональной реальности вне экономической сферы (разделение задач, отношения господства—подчинения, борьба интересов в марксистской традиции) или культурной (легитимность системы ценностей и устранение напряженности в социологии Парсонса).

Современный анализ опирается на одну из вышеизложенных проблематик, при этом акцент может быть сделан на «идеологический аппарат государства» (Луи Альтюссер), на «общественное воображение» (Корнелиус Кастириадис), на «стигматизацию» или «наклеивание ярлыков» (работы Мишеля Фуко или Ирвинга Гоффмана, посвященные «закрытым мирам»: больницам, приютам, тюрьмам). Также нельзя не упомянуть о вкладе юристов (Морис Горно, Ханс Кельзен) и экономистов (школа общественного выбора (*Public Choice*)), представители институционального направления: отмеченные печатью временности, отвечающие императивам социализации, институты с этой точки зрения представляются правилами действий, направленными на «объективацию дисциплины жизни», основанной на «устойчивых взаимных ожиданиях».

Интерпретация (*interprétation*). В рамках теории моделей интерпретация — это соответствие типа «множество—единица», которое присваивает каждому высказыванию о системе

оценку «истинное» или «ложное». С семантической точки зрения внимание уделяется прежде всего значению употребленных слов, а с психоаналитической — упор делается на символические или аналитические свойства. Но философ или социолог обращает внимание на явления другого порядка, связанные с герменевтической традицией.

Греческий глагол *hermeneuo* может означать «выражать», «переводить» или «объяснять». Образованное от него существительное иногда связывают с толкованием (экзегезой) или философией, иногда он понимается в свете методологии. В любом тексте, священном или мирском, сосуществует несколько «слоев». Возьмем, например, Писание. Согласно традиции, заложенной Оригеном, святым Григорием Нисским или Кассианом, оно становится доступным для нас, поскольку включает в себе четыре смысловых уровня:

- буквальный (называемый также «историческим» или «телесным»), ставший возможным благодаря грамматическому или лексическому изучению;
- аллегорический, связанный с догмами Церкви;
- тропологический, обращенный к этике, к поведению верующего;
- аналогический, или мистический, призванный выявлять истины эсхатологической природы.

Достижение понимания неясного отрывка (*subtilitas intelligendi*) дарит ключ, который будет нам полезен впоследствии (*subtilitas applicandi*). Георг Аст (1778–1841), ученик Фридриха Вильгельма Шеллинга, отстаивал идеалистическое воззрение на проблему и в каждом произведении видел субъективное творение автора, являющееся объективным выражением эпохи, которое, в свою очередь, является знаком «вселенского духа». Фридрих Шлейермахер (1768–1834)

прибегает к двум взаимодополнительным методам: один из них «божественный», одновременно интуитивный и непосредственный, а другой — «сравнительный», «дискурсивный». Первый метод он провозглашает «психологическим», второй — «грамматическим».

Отныне в центре рассуждений находится не сам объект (*interpretandum*), а субъект (*interpretans*), чья основная задача — вычленив контекст и «установить правильное соответствие между словом и вещью» через тщательный анализ основополагающих элементов коммуникации. Речь идет не просто об эксплицитном высказывании того, что у автора текста являлось неосознаваемым, но о продолжении намеченной работы. Отсюда — двойная ориентация: на «язык» и на «мышление».

Немецкая историческая школа конца XIX в. главную роль отводила эпистемологическому аспекту: Иоганн Густав Дройсен (1808–1884) писал о разнице между «объяснением» (*Erklären*) и «пониманием» (*Verstehen*), Вильгельм Дильтей (1833–1911) утверждал, что социальные науки имеют свою специфику и подчеркивал важность «переживания» (*Erlebnis*). Позднее будут предложены и другие объяснения: онтологическая проблематика бытия (*Dasein*) (Мартин Хайдеггер), демистификация и критика идеологий (Карл Отто Апель, Юрген Хабермас), конфронтация семиотики и структурализма (Поль Рикер), диалектика принадлежности и отстранения (Ганс-Георг Гадамер), вопросов и ответов (Ганс Роберт Йаусс)...

Нам представляется, что методология интерпретации неотделима от представления в «герменевтическом круге» в той мере, в которой она косвенно и постепенно движется сначала вслед за требованиями семантики, а затем — рефлексии. Полностью сознавая, что невозможно обесценить

значимость вышеупомянутого круга, назвав его «порочным», поскольку внутри него расцветает «истинная возможность познать изначальное», возможность, которая корректно используется только при условии признания новых процедур объективации.

Коллективное сознание (*conscience collective*). Появление этого понятия было, хотя и в разной мере, предвосхищено социологией Огюста Конта, психологией масс (*Völkerpsychologie*) и органицистской традиции, в которых подчеркивается доминирование целого над частями. Понятие коллективного сознания появляется у Эмиля Дюркгейма и обозначает «состояние представлений, мыслей и эмоций, которое охватывает помимо отдельной личности всех индивидов группы, а также интересы и культурные ценности». Эта «совокупность верований и чувств, в среднем общих для членов общества», является фактором интеграции и социальной сплоченности, формируя определенную систему, обладающую собственным существованием, значение которой можно оценить только в соответствии с доминирующим типом солидарности (органической или механической).

Коллективные предпочтения: теория коллективных предпочтений и проблема агрегирования (*préférences collectives, théorie des — et problématique de l'agrégation*). Теория коллективных предпочтений, иначе называемая теорией коллективного выбора, является важной составляющей социальных исследований, в частности в области экономики общественного сектора и политической социологии. Уделим больше внимания последней, чтобы осветить проблему агрегирования (т. е. перехода от единичного к всеобщему, от части к целому), а также эффекты композиции и возможные парадоксы, связанные с ними.

Для этого мы будем отталкиваться от модели *homo suffragans*¹. Нужно иметь в виду две идеи:

- привязку к схеме «отдельных выборов»: любая поставленная на голосование проблема должна легко раскладываться на серию элементарных вопросов, влекущих за собой простые ответы — «да» или «нет»;
- важность «принципа большинства».

Аргументы, выдвигаемые по этому поводу, относятся к числу классических. В то время как Томас Гоббс и Джон Локк обращаются к механистическим идеям и говорят о «результатирующей сочетания различных сил, которая дает направление движения социального тела», Жан-Жак Руссо подчеркивает, что общая воля существует, только если распределение выраженных мнений остается «однонаправленным» и «централизованным». Для других — это «фактические данные», «прагматичное средство, предназначенное для принятия решения всеми или большинством».

Можно ли в таком случае основываясь на этих предположениях выйти на коллективное предпочтение? Теоремы «невозможности», к сожалению, предлагают нам отрицательный ответ.

В своей «Записке о голосовании на выборах», представленной на рассмотрение Академии наук 16 июня 1770 г. и опубликованной четырнадцатью годами позднее, Шарль де Борда уже наметил ограничения и недостатки некоторых форм референдумов. Для хороших выборов необходимо предоставить гражданам возможность «высказаться об относительных заслугах каждого кандидата, которые сравниваются с заслугами его конкурентов». Восхваляемая им метода —

¹ Человек голосующий. — Примеч. перев.

это, разумеется, «метод рядов»: в каждом индивидуальном списке каждый кандидат получает оценку, соответствующую занимаемому им месту.

В работах маркиза де Кондорсе в чести интерпретация решений через вероятность. Голосование представляется попыткой выразить не волю или интерес, а мнение об истинном. В «Эссе» (1785) рассматривается электоральный корпус как строго дополнительный, состоящий из одинаковых и независимых элементов. Другие концепции, содержащие различные по пронципальности или верности суждения, посвящены явлениям влияния и нарушения. Но каким бы ни был обсуждаемый вариант, представляется, что правило большинства не гарантирует логического перехода от одного выбора к другому: коллективно мы можем выбрать *A* вместо *B*, *B* вместо *C*, и *C* вместо *A*, хотя логично было бы предположить, что *A* одержит победу над *C*. Этот явный и устойчивый парадокс проявляется чаще, чем в одном случае из одиннадцати, при условии что каждый из голосующих способен работать с исчерпывающим списком.

В 1951 г. Кеннет Эрроу в книге *Social Choice and Individual Values* повторил некоторые догадки, уже высказанные Фрэнсисом Гальтоном и Чарльзом Доджсоном (он же Льюис Кэрролл), и, используя собственную терминологию обратился к «достойной, честной и мудрой» аксиоматике. Но *Voting Paradox*¹ при этом не исчез, что объясняет происхождение отклонений в сторону «произвольных» или «апомических» конфигураций, характеризуемых «нестабильностью равновесия» и «недостаточной интегрированностью»: выбираем ли мы «истинную демократию, но при этом не антропоморфную», или же «антропоморфную, но диктаторскую или теократическую».

¹ Парадокс голосования. — Примеч. ред

Чтобы избежать этой дилеммы, можно использовать различные способы:

- освобождение от некоторых гипотез (например, от относящейся к «независимости от несущественных альтернатив»);
- введение новых аксиом: отсутствие индивидуального права вето, монотонность, симметрия, правильность;
- учет числа избирателей, участвующих в референдуме;
- лучшее взаимодействие между анализом коллективного выбора и теорией игр: присутствие случайной компоненты, стратегическое голосование, структура коалиций...

Традиционное правило «один человек — один голос» на самом деле представляет основное неудобство: оно не дает возможности проявиться силе индивидуальных предпочтений. Собранная информация является недостаточной, из чего может последовать несоблюдение условий оптимального решения. Таким образом, нельзя с уверенностью сказать, что критерии равенства и единства будут одновременно удовлетворены, за исключением, разумеется, того случая, когда высказанные предпочтения сами по себе достаточно однородны. В середине 1980-х гг. некоторые, впрочем, пытались утверждать, что можно получить одновременно «честную» и «правильную» оценку важности для каждого индивида различных модальностей коллективного выбора, при этом принимая во внимание соответствующие налоговые побуждения. Но как можно оценить эту процедуру (*Demand revealing process*¹)? Заметим в первую очередь, что, поскольку здесь не может быть соблюдена анонимность голосования (для персонализации налоговой базы необходима ин-

¹ Процесс выявления потребности. — Примеч. науч. ред.

формация о выборе каждого), ее применение представляется затруднительным. Не будем забывать, что для некоторых не исключен риск банкротства, даже если можно предположить наличие адекватных компенсаций, а с другой стороны, сложность операции и недостаточность фондов могут привести к большому количеству воздержавшихся. Что касается тех, кто сделал «правильный выбор», то их ничто не гарантирует от «проклятия победителя»: ведь реальность довольно регулярно поставляет нам примеры сделок, в которых цена искусственно завышена либо по отношению к первоначальному предположению, либо к оценкам *a posteriori*¹. Вспомним о продажах футболистов, о рынке современной живописи, об аукционах, правах на издание или распространение продукции.

«Вероятностная теория выборов» в том виде, как она недавно была заново сформулирована Питером Коулином, Джеймсом Энлоу или Мелвином Хиничем, представляется, напротив, многообещающей, поскольку она может на основе неполной информации разрешить часть вышеперечисленных проблем. В наибольшей степени ее преимущества проявляются в отношении источников и моделирования неопределенности. Можно выделить три варианта. Первый касается преднамеренной или непреднамеренной неоднозначности программ. Второй, «перцептивный»², аспект связывается с природой процесса коммуникации. Наконец, последний, «предсказательный», ставит вопрос о дальнейшем поведении избранных кандидатов.

¹ От латинского *a posteriori* — букв. «из последующего»: происходящее из опыта; понятие теории познания, противоположное *apriori*. — Примеч. ред.

² От лат. *perceptio* — восприятие. — Примеч. науч. ред.

Можно сказать, что принятие семантического подхода приводит к восстановлению значимости парадоксов агрегирования. Последние, по мнению Олега Архипова, должны быть освобождены от негативных смысловых оттенков, поскольку противоречие уступило место оптимуму второго порядка. Необходимо более глубокое рассмотрение трех больших тем: моделирование коллективного действия, проблематика измерения в социальных науках и отношения между формализмом и смыслом.

Коммуникация (*communication*). Первоначально это понятие означало обмен и перемещение благ и людей из одной местности в другую посредством естественных или искусственных «путей». В широком смысле — это процесс передачи «сообщений» любой природы и при помощи любых средств от индивида к индивиду, который делает возможным социальное взаимодействие. Здесь можно различить многочисленные перспективы. Прежде всего обратимся к общительности, «игровой форме социализации», основанной на отношениях посредничества и взаимности. В работе «Общественное мнение и толпа» (*L'Opinion publique et la foule*; 1901) Габриэль Тард, используя «генеалогический» подход, привлекает наше внимание к салонам с их болтовней и светской беседой, которая воспринимается как «наиболее могущественное средство подражания, выражения и распространения чувств, идей и образов действия». Этот сюжет через несколько лет подхватывается Георгом Зиммелем, а затем Джорджем Мидом, которые делают акцент на познании и представлении другого через жесты и символы, ожидания и стратегии.

Вторая тема для размышлений: отношения отправитель/получатель. Вспомним о вопросах, сформулированных Б. Берельсоном, Ш. Форстером и Г. Лассдэлом:

- кто говорит? (идентификация и личность субъектов действия);
- что он хочет сказать? (имплицитный или эксплицитный дискурс, репрезентативный или инструментальный, информативный или демонстративный...);
- какими средствами? (использованные приемы, стиль);
- с каким результатом? (предполагаемое воздействие, восприятие и аудитория, прямые или косвенные последствия);
- в каких обстоятельствах? (страна, эпоха, окружение).

Всякая коммуникация, письменная или устная, межличностная или институционализированная, несет более или менее непосредственные значения. Ее содержание, латентное или явное, может быть рассмотрено с тематической, формальной или структурной точек зрения. Добавим вслед за Клодом Шенноном и Норбертом Винером, что эти исследования могут быть не только описательными, но и формализованным и что квантификация может быть основана на исчисляемых (семантика или лингвистика), числовых (арифметика или геометрия), контекстуальных (локальное или глобальное) единицах. Используемые категории должны отвечать критериям устойчивости, полноты, достоверности, валидности, исключительности. Укажем также на значимость молчания или застенчивости, оговорки или интонации, эффектов обратной связи (*feed-back*), или обратного воздействия. Здесь в игру вступают четыре различных феномена: внимание, восприятие, понимание и запоминание, причем каждое изменение установки включает когнитивные, аффективные и деятельностные элементы.

Точнее, как в свое время продемонстрировали Пол Лазерфельд, Джеймс Коулмен или Элну Катц в своих знаме-

нитых опросах (*The People's Choice, Decaptur* и *Drug Studies*), необходимо принимать в расчет различные параметры, среди которых избирательность экспозиции, групповой опыт и действия по повышению восприимчивости, рекомендации или предписанию поведения, вместе направляемостью общественного мнения и СМИ (модель двухступенчатой коммуникации (*two-step flow*)).

Последние вне зависимости от своей «теплоты» или «холодности», по терминологии Маршалла Мак-Люэ, приведенной в книге «Галактика Гутенберга» (1962), выполняют функции досуга и связи, информации и ухода от реальности, превращения повседневной жизни в шоу, или превращения реальности в непрерывный спектакль. Воздействие, которое следует приписать «четвертой власти», — крайне полемичный вопрос. Некоторые авторы вслед за Т. Адорно, Л. Богартом, М. Хоркхаймером и Г. Маркузе предъявляют обвинения в унификации вкусов, заданности реакций и пассивности телезрителей, в подчинении законам рынка. Технологический детерминизм якобы осуществляет настолько сильное давление, что способности граждан к различению и размышлению полностью атрофированы, что приводит к духовному отчуждению, а погоня за аудиторией нивелирует все программы до самого низкого уровня и имеет следствием «стилизованное варварство» в сердце «полностью манипулируемого общества». Но является ли эта критика обоснованной? Заметим сразу, что визуальное представление образов, репортажей скорее приведет к усилению, чем к перемене уже существующих убеждений. Социологические исследования поведения электората подтверждают это: изменения происходят только в незначительном количестве случаев и только в отношении тех, кто не имел определенного мнения. Запоминаются только те утверждения, которые согла-

суются с изначальными убеждениями. Впрочем, нужно несколько уточнить последний тезис, поскольку не все убеждения полностью неколебимы. Нельзя исключать действие «диссонанса» и возникновение других альтернатив. Кроме того, как утверждают, избыток программ и широкое распространение новых технологий (спутниковое телевидение, кабельное телевидение) может удовлетворить самую требовательную аудиторию.

Что касается обвинения в создании или расширении преступности, ответственность прессы или кино также заслуживает обсуждения. Обычно выдвигаются две точки зрения. Согласно первой из них, показ предосудительных действий побуждает молодежь к «высвобождению низменных инстинктов». Можно ожидать самых худших последствий, поскольку нам скрупулезно представляют способы ограбления банка, квартиры или инкассаторского автомобиля. С другой стороны, те, кто придерживается теории «катарсиса», возражают, что сцены насилия или непристойностей удовлетворяют фантазмы и оказывают очистительное действие. Данные, которыми мы располагаем, неоднозначны: побудительный эффект существует, но далеко не для большинства. Не забудем, кроме того, что вне этого привычного времяпрепровождения досуг, возможно, был бы посвящен еще менее благоприятной деятельности...

Франсис Балла в своих работах предлагает нам принять парадигму акционизма, которая могла бы оказаться полезной во всех рассмотренных случаях и способствовать лучшему освещению «коммерции идей». В зависимости от типа аудитории и от мотивов (посредничество или взаимодействие) мы будем говорить о массовой публике или о сфокусированном воздействии, о доверительных или формализованных обменах, о пропаганде идентичностей или причин.

Конвенции: социальная экономика конвенций (*conventions (socio-économie des)*). Идея конвенций родилась вне социо-экономического поля. Например, для англосаксонской аналитической философии, если судить по работам Яакко Хинтикки, Саула Крипке или Патрика Саппеса, основным вопросом является вопрос языка или соизмеримости, т. е. «семантика возможных миров», связанная с временными, деонтологическими или эпистемологическими вариантами. Тем не менее, применение этого понятия также продуктивно и в изучении организаций или иерархий.

В то время как контракт, устанавливая двусторонние взаимоотношения равенства или субординации, связывает воедино элементы одного целого, конвенция, в свою очередь, не предполагает существования общего для индивидов универсума. Напротив, она устанавливает согласие и делает возможным коллективное действие. На самом деле речь идет о «свойстве, способном к возобновлению (во времени) и генерализации (переносу на других субъектов), о гармонизации (прямой или косвенной) форм поведения вне рыночного обмена непреднамеренно». Вслед за Жан-Пьером Дюпои и многими другими авторами можно определить его как «регулирование, берущее начало в социальных взаимодействиях и представляющее перед субъектами в объективированной форме». Таким образом, транзакции невозможны вне конституирующего контекста, а оптимизационные расчеты не могут быть применены ко всем ситуациям. За товарным обменом следует установление многоуровневой связи; за ценой и количеством — нормы и кодификации. Недостаточно найти зависимость между работой и зарплатой (конвенция производительности), стоит также вместе с Бенедиктом Рейно и Робертом Сале задаться вопросом о риске увольне-

ния (конвенция безработицы). В обоих случаях ответственность работодателя является определяющим фактором.

По этому поводу необходимо уточнить, что применяемый сегодня подход, сочетающий гибкую систему вознаграждений с варьированием штата, сопровождается также развитием обучения сотрудников и возросшим вниманием к управлению человеческими ресурсами: адаптационные стажировки вслед за периодом безработицы, кружки качества, корпоративная культура...

Отсюда происходит стремление к четкому разграничению внешнего рынка (соответствующего предположениям Вальраса) и рынка внутреннего. Последний, по Петеру Дёрингеру и Майклу Пайору, связан с «административной единицей, внутри которой вознаграждение и использование рабочей силы управляются системой правил и процедур». В частности, важную роль играет обычай. Он проявляет себя, если группа попадает в «авторитарные отношения», т. е. в ситуацию «контракта, по которому работающий признает наличие у работодателя права давать ему указания по поводу необходимости выполнения задач в обмен на фиксированное жалование, не зависящее от результатов фирмы». Сославшись на теорию Люка Болтански и Лорана Тевено, можно вспомнить о прочих «поддерживающих факторах», таких как посредничество, трансакции и компромиссы. Все эти элементы имеют целью облегчить сплочение группы и способствовать приобретению специальной квалификации. Полученный результат не является, таким образом, ни исключительным достоинством работника, ни характеристикой его позиции: он позволяет оценить качество подбора персонала (*job matching*). Это соперничество на деле требует соотверствующей социализации.

Таким образом, выходит на первый план проблема организации (в том виде, как ее представили Кеннет Эрроу или Герберт Саймон), долгое время оставшаяся незамеченной или отодвигавшаяся на второй план. Здесь могут быть рассмотрены четыре подхода в зависимости от природы информации, характеристик окружающей среды и способа определения рациональности. Первый подход сливается с неоклассической концепцией, второй изучает систему агентских отношений (например, между доверителем и его доверенным лицом, подрядчиком и субподрядчиком, адвокатом и клиентом), в рамках третьего идет речь о механизмах трансакций, а последний связан уже не с размещением, а с созданием ресурсов.

Какую бы точку зрения мы ни приняли, проблемы координации между субъектами действия занимают основное место. Возникающие трудности в значительной мере связаны:

- с ценой принятия решения, иногда очень высокой;
- с появлением таких типов поведения, как *shirker* («моя хата с краю») или *free-rider* («заяц», «безбилетник»);
- с феноменом боязни риска.

В зависимости от конкретного случая можно взять на вооружение различные стратегии, например создать все условия для обычного поведения, позволить некоторым участникам контракта воспользоваться «остаточным правом», воспользоваться инструментами реторсии¹, установить систему штра-

¹ Реторсия (от лат. *retorcio* — обратное действие) — юридический термин, означающий принятие по отношению к субъекту, совершающему законные, но наносящие ущерб действия, ответных мер того же характера. — *Примеч. науч. ред.*

фов, ввести денежные компенсации или разделить потери на всех подписавшихся.

С момента, когда организация больше не является ни случайностью, ни вспомогательной формой, а становится наиболее важной структурной составляющей в составе производственных систем, вопрос становится более сложным: в каких условиях принцип эквивалентности может служить высшим обобщающим принципом? Что понимается под «взаимными обязательствами»? В целом — на чем основаны правила? Каковы условия и типы их изменений? Разумеется, мы уже располагаем несколькими интересными наметками, но проблемы по-прежнему существуют, а именно: конвенции по-прежнему рассматриваются как внешние, что не позволяет высветить динамику их построения. Кроме того, анализ в терминах «дара и отдаривания» внушает чересчур механистическую идею о зависимости социальной сплоченности от взаимности. Но это не всегда верно, хотя можно и не соглашаться с тезисами Пьера Кластера или Рене Жирара.

Желание всеобъемлюще ответить на все эти вопросы было бы, конечно, чистойшей самонадеянностью, но при этом представляется возможным:

- более точно определить институциональный контекст, в котором находится этот тип регулирования;
- способствовать сближению некоторых концептов (сюда же могут быть также отнесены теории, касающиеся «формальных инвестиций» и «прав собственности»);
- продолжить данную дискуссию в свете методологических оснований социологии действия.

Конфликт (*conflict*). Конфликты развиваются в самом сердце общественной жизни и различаются по своей интенсивности, степени осознанности участниками, природой и струк-

турой предмета борьбы. Они могут быть более или менее жестокими, могут быть направлены на распределение богатств или на завоевание власти, на продвижение идей или изменение правил и могут принимать форму игры с нулевой суммой (то, что теряет один, приобретает другой), положительной (через смесь сотрудничества и столкновения), а в некоторых случаях и отрицательной суммой (есть только проигравшие).

Дискуссии на тему конфликтов всегда имеют под собой одну и ту же почву: независимо от того, ведутся они с марксистской или дюркгеймианской точки зрения, опираются на интерпретации функционалистов или интеракционистов, речь всегда идет об интеграции. Можно продолжать рассуждения в терминах классов, отношений господства или эксплуатации, рассматривать с позиции усиления коллективных норм и унификации сознания, выбрать системный подход или развивать реляционный подход. Последний, ярко проявившийся в работах Георга Зиммеля, говорит об обществе как о сфере постоянного обмена между конструктивными и деструктивными силами, где несогласие является неотъемлемой частью социализации, так что «практически неизбежно каждый элемент общества становится причастным к враждебности». Но с другой стороны, существование отношений антагонизма между группами не означает, что внутри каждой из них процветает гармония: также возможны соперничество или раскол, альянс и коалиция, и борьба тем непримиримее, чем сильнее она затрагивает именно внутренние аспекты, противопоставляя друг другу равных или похожих индивидов. Здесь большое внимание необходимо уделить процедурам регуляции, идет ли речь о законе, правилах, компромиссе или переговорах. В связи с этим нужно заметить вслед за Теодором Капlou и Льюисом Козером,

что фигура «третьего» в первую очередь наводит на мысль не о посреднике или арбитре, а о *tertius gaudens*¹, который может воспользоваться существующей враждебностью в своих личных целях.

И если некоторые исследователи, подобно Роберту Далю, Сеймуру Липсету или Штайну Роккану, считают, что существование множества объединяющих тенденций и выгод, смешение различных пластов и примиряющая деятельность элиты усиливают стабильность современных демократий и позволяют избежать экстремизма, то другие привлекают внимание к появлению новых социальных движений (Ален Туррен), к наличию условий для мобилизации (Энтони Обершал), к факторам политического участия (Чарльз Тилли) и к неравному распределению власти (Ральф Дарендорф), а также к национальной специфике (Теда Скоппол).

Культура (*culture*). Слово «культура» долгое время имевшее своим соперником термин «цивилизация» (который в классическом своем значении связывается с «утончением привычек», «смягчением нравов» противопоставляется «варварству», а также имеет оттенок «большей выраженности гуманизма») происходит от латинского *cultura* (которое, в свою очередь, происходит от глагола *colere*²). Оно принимает многие значения и применяется как к работам в поле, так и к техническим разработкам, к способностям разума и упражнению тела, к биологии и к человечеству. В 1952 г. Альфред Кребер и Клайд Клакхон, рассматривая только британские работы, насчитали более 160 определений культуры.

¹ «Третий радующийся», извлекающий свою выгоду из противостояния. — Примеч. перев.

² Возделывать, обрабатывать (лат.). — Примеч. перев.

В работе *Primitive Culture*, опубликованной в 1871 г., Эдвард Тэйлор выступает в качестве глашатая антропологов своего времени и говорит о «сложном целом, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, закон, обычай и все остальные свойства и привычки, приобретенные человеком как членом общества». Здесь принимаются во внимание (в описательной манере) различные материальные и моральные, этические и институциональные элементы, организующие и регулирующие социальную жизнь. В 1920-е гг. вслед за Эдвардом Сапиром (американский лингвист и этнолог германского происхождения, ученик Франца Боаса) акцент делался не только на объективные элементы, но и на другие составляющие, такие как язык и коммуникация, представления и идеология. На этом основана важность анализа (у Рут Бенедикт, Ральфа Линтона или Авраама Кардинера) «форм», «матриц», «образцов» (*patterns*) или «базовой личности», настоящих «психологических конфигураций», исходя из которых развиваются черты характера. Особым интересом пользуется процесс социализации, при этом в зависимости от автора мы имеем дело с функциональным (Бронислав Малиновски) или структуралистским (Альфред Рэдклифф-Браун) подходом. Другие теории, предложенные Эдмундом Личем или Максом Глюкманом, напротив, особое внимание уделяют риску напряженности, аномии или внутренней несогласованности норм.

В свою очередь, социологи, по наблюдениям Ги Роше, обращаются к исследованиям «более или менее формализованных способов мыслить, чувствовать и действовать, которые, заученные и разделяемые большинством людей, служат, одновременно объективно и символически, созданию из этих людей особого, отдельного от других сообщества». Эта «нормализация», тем не менее, не делает всех индиви-

дов похожими. Они располагают возможностями маневрирования, в рамках которых могут вырабатывать собственные убеждения и идентифицировать себя с более или менее новыми моделями. Например, изучим вместе с Ричардом Хоггартом (*Uses of Literacy*; 1957) случай некоторых самоучек, столкнувшихся с противоречивостью своих притязаний (желаний, стремлений). Постоянно пребывая в неустойчивом положении, эти «мученики знания» умеют только судорожно улыбаться. Их поза, акцент, внешность — все выдает их. Они не могут отделить себя от своих предков. Разговоры, к которым они приглашаются, лишний раз показывают им, какое расстояние отделяет их от элитных слоев общества. Одолевающие их сомнения никогда не удастся изгнать до конца. Своих прежних приятелей они стесняются, и поэтому от них ускользают самые простые удовольствия. Существование многих субкультур, таким образом, вызывает проблемы, тем более что используемые регулирующие системы не всегда совместимы, гетерогенность (или, если вспомнить название книги Бурдые, «различие») заметна в речи, в устройстве жилища, проведении досуга. Столкновение различных универсумов может также выражаться в обогащении или в появлении большей или меньшей напряженности, которая является фактором дезадаптации и может привести к девиантному поведению, будь то «уход» (употребление наркотиков), конфликты (потасовки в молодежной среде) или криминальные проявления (профессиональный вор).

Последний вариант был широко освещен. Автобиографические рассказы и свидетельства подтверждали, что карманники и грабители формируют иерархизированную корпорацию. Любители не допускаются в нее и награждаются презрительными эпитетами. Ловкость рук и физическая сила представляются вторичными в сравнении с хладнокровием

и умом. Импровизация уступила место организации. Каждая банда промышляет на определенной территории и имеет собственные рынки сбыта. При появлении постороннего все разговоры прекращаются или переводятся на отвлеченные темы. Корпоративный дух проявляется в первую очередь на уровне приема новых членов. Вступление в ряды требует рекомендаций. Только после серии испытаний неопит попадает в принимающую структуру. Испытательный срок, как уточняет Джон Ландеско в работе *Organized Crime in Chicago* (Landesco, 1929), может быть относительно продолжительным. Новичков сопровождают более опытные, но второстепенные в организации лица, они дают им советы и приобщают к деятельности. Искусно спланированное, это «производственное» обучение позволяет оценить способности кандидатов и выявляет наиболее мотивированных. Обучение проводится не по книгам, а путем «насыщения» опытом. Недостаточно адаптировавшиеся к групповой дисциплине «отсекаются»: «вольные стрелки» могут упражняться в другом месте. Но успех на первом этапе ведет только к перспективам карьеры. Для получения признания «коллег» необходимо разделять их отношение к «профессии», как можем прочесть у Клиффорда Шоу в работе *The Jack-Roller* (Shaw, 1930). Взаимопомощь и солидарность составляют «кодекс чести». Обмен информацией, финансовая и материально-техническая поддержка являются частью «технических требований». Обеспечение содействия продажных полицейских, коррумпированных чиновников или «снисходительных» представителей власти является приоритетной целью. Лояльность выражается законом молчания: тот, кто нарушает его, теряет завоеванное положение и становится мишенью для преследований. Чик Конвелл и Эдвин Сатерланд в работе *The professional Thief* (Conwell and Sutherland,

1937) пришли к выводу, что эта «контркультура» противопоставляет господствующим нормам и может стать источником детской преступности.

Какую бы теорию мы ни приняли в качестве опоры — теорию «полей», интеракционизм или постулаты этнометодологии, — в любом случае существует еще много других тем, о которых можно упомянуть в связи с понятием культуры. Вспомним об изучении стиля жизни и типов социальности, спорах относительно партикуляризма¹ и об этничности, воздействии СМИ или определяющих факторах художественного творчества.

Методологический индивидуализм (*individualisme méthodologique*). Согласно этому подходу, разработавшемуся такими авторами, как Фридрих фон Хайек, Жан Пиаже, Карл Поппер или Йозеф Шумпетер, любой социальный факт независимо от того, относится ли он к экономике, социологии или политической науке, является только результирующей величиной взаимодействия всей совокупности индивидуальных поведенческих реакций, даже если они в том или ином контексте поставлены в рамках верований, ценностей или институциональных норм. Структурированный ансамбль человеческих отношений в таком случае уже не представляется пассивно формируемым внешними условиями набором реакций, он предстает как взаимодействия между различными рациональностями, а общество может восприниматься только как простое «сосуществование расчетливых одиночек».

¹ Термин «партикуляризм» означает особенность и замкнутость культуры местной общины, семьи, этнической или профессиональной группы. — *Примеч. науч. ред.*

При этом речь не идет ни о проповеди индивидуализма как ценности, ни об отрицании существования групп, категорий или коллективных явлений. Но необходимо понимать (не становясь при этом сторонником атомизма), что никакая модель не может верно воспроизводить реальность, если в ней не учитываются интенциональный и стратегический аспекты поведения акторов¹ (поэтому большое внимание уделяется эмерджентным свойствам, называемым также эффектами композиции или агрегации). Последнее утверждение относится исключительно к методологическому плану: выше всего ставится эффективность выбранного принципа *a posteriori*, т. е. его способность выявить большее число закономерностей. В этом отношении нужно сделать несколько замечаний:

- каждый актер ежедневно управляет своими конфликтами, притязаниями, сомнениями, оставаясь потенциальным источником и потенциальным «приемником» влияния;
- различные императивы, которым мы должны подчиняться, имеют разную силу и разные точки приложения, поскольку влияют на активные единицы, чья мотивация остается очень размытой; выполнение действия само по себе подвержено влиянию совпадения: протекание процессов не может быть охарактеризовано как регулярное и необходимое; что касается результата, то он не может быть получен исходя из первоначальных условий;
- для данной системы взаимодействий наиболее благоприятное выражается чаще всего в относительной или срав-

¹ *Acteur* (франц.), *actor* (англ.) — индивид как субъект действий. — *Примеч. науч. ред.*

нительной форме, через ограниченные, постепенные изменения;

- поскольку достижение совершенства не только невозможно, но и попытки достичь его любой ценой не являются рациональными, необходимо научиться рассуждать не категорически (в терминах «все или ничего»), а скорее пошагово (логика «более или менее»).

В числе наиболее известных работ, принадлежащих к этому направлению и придающих большое значение парадигме понимания, можно привести работы Макса Вебера (анализ жизнеспособности протестантских сект в Соединенных Штатах в начале XX в.) или Вернера Зомбарта (исследование трудностей, возникающих при внедрении социализма в Америке). Более поздние работы, связанные с изучением социальных движений, — работы Манкура Олсона и Энтони Обершалла. Они поддерживают близкую к вышеупомянутой точку зрения, используя схему анализа «уход/протест» (*exit/voice*).

Подобные концепции являются предметом множества критических дискуссий, идущих от дюркгеймianской, марксистской или структуралистской традиций, которые защищают точку зрения холизма.

Методология (*métodologie*). В знаменитых «Правилах для руководства ума» (*Regulae ad directionem ingenii*; 1628) Рене Декарт под «методом» понимал «простые и определенные правила, благодаря которым наблюдающий никогда не сочтет верным то, что ложно, и не утомляя себя бесплодными попытками, но постепенно увеличивая объем полученных знаний, достигнет точного понимания», следуя при этом «обдуманному и заранее определенному плану», который мо-

жет «указать, каких отклонений необходимо избегать для достижения поставленной перед собой цели».

В этом отношении могут быть выделены два направления. В первом особое внимание уделяется нормативной стороне проблемы и присутствует абсолютная уверенность в прогрессе исследования. Ссылки на всю совокупность рациональных приемов, которые нужно применять для достижения того или иного результата, теперь часто сочетаются с приведением списка техник, которые уже доказали свою пригодность, а иногда даже с каталогом «рецептов», которым необходимо точно следовать. Но более глубокий взгляд, основанный на греческой этимологии, присущ другому, более популярному ныне подходу, который в первую очередь рассматривает идею «следования», «непрерывного поиска» и опирается на «ясные и четкие идеи», которые позволяют если не достичь полного избавления, то во всяком случае приличествующим образом сразиться с предубеждениями, с видимостью повседневного знания, с «идолами» или «предрассудками». Таким образом, мы сталкиваемся с областью спорного, с областью мнений или временных схем, где «ничто не окончательно» и «все подлежит проверке».

В свою очередь, методология объединяет все руководящие идеи, которые направляют эмпирическое исследование. Знание становится либо производной, которую стоит проверять или обосновывать (логика доказательства), либо процессом, природу которого необходимо установить (логика открытия). Поле исследования при этом не сводится к замечаниям формального порядка (как соблюдение канонов согласования или различения, милых сердцу Джона Стюарта Милля), но включает в себя «общественный» аспект. В самом деле, необходимо отдавать отчет, какое влияние

оказывают на исследование ценности, источники финансирования, конфликты интересов.

Вслед за Полом Лазарсфельдом, Робертом Мертоном или Талкоттом Парсонсом можно выделить четыре ключевых момента. Первый касается важности эпистемологического полюса. Речь идет о разрыве со «спонтанной верой в позитивность мира» и об обязательной критике полученных результатов: выбор проблематики происходит не наугад, а требует предварительного определения условий объективации полученного знания. С этой точки зрения можно обозначить множество принципов: незначительность (использование тезиса «с другой стороны, все вещи одинаковы»), скупость (следование одному из вариантов принципа Гийома Оккама: «Не прибегать к абстракции без крайней необходимости»), более полная информация (все высказываемые положения считаются истинными до тех пор, пока другие эмпирические данные не опровергнут первоначальные предположения). Используемые методы основаны на квантификации, диалектике и феноменологии. Применяется «эйдетический» прием: не сводить познание к восприятию фактов, он служит посредником «между тем, что вычленяется интуицией, тем, что формулируется речью, и тем, что может быть охарактеризовано совокупностью чувственно воспринимаемых признаков». Гипотетико-дедуктивная аргументация также высоко ценится.

Вторая фаза — теоретизация. Она начинается с момента выработки экспериментального протокола и делает возможной интерпретацию собираемой информации. Требования концептуализации обычно выливаются в построение моделей. Высказывания могут быть аналитическими или синтетическими; определения — родовыми или операциональными; свойства — синтаксическими или семантическими. Отме-

ченный в этой области прогресс является не только кумулятивным¹, но и рефлексивным, поэтому возникает необходимость обращения к выбранным рамкам. Рассмотрим, например, функционализм или структурализм. Сохраняется та же перспектива: спор между пониманием и объяснением. Должны ли мы отдать предпочтение одному из подходов: холистическому или номиналистическому?

Другой важный момент: выражение смысла и выделение причинно-следственной связи, которая приведет нас к различным связям между положениями, переменными или событиями. Можно говорить, например, о презумпции или о корреляции, о простых или множественных определениях, о прямых или косвенных связях. Конфигурация здесь созвучна структурированию, производимый синтез высвечивает типологии и классификации.

Последний момент: соотношение с реальностью. Контроль и проверка сами становятся объектом тщательного анализа. Обычно используются такие приемы, как интервью, анкеты или включенное наблюдение, при этом создание индикаторов во многих случаях сталкивается с проблемами агрегирования или смещения. Сами техники сбора информации кодифицируются и порождают особые виды исследования: монографические, сравнительные исследования, имитационное моделирование, эксперименты.

Все эти этапы ведут к выработке научных норм, причем динамика системы в целом обеспечивается комплексом отношений обмена и взаимодополнительности.

¹ Кумулятивный (от лат. *cumulo* — накапливаю) — основывающийся на последовательном присоединении новых результатов к полученным прежде. — *Примеч. науч. ред.*

Мобилизация (*mobilisation*). Проблематика мобилизации связана с вопросами коллективного действия и социального изменения. Это понятие послужило поводом для создания многочисленных теорий. Некоторые из них (относящиеся к концу XIX в. и вдохновленные работами Гюстава Лебона, посвященными психологии толпы) исследовали механизмы и характеристики протекания процессов поведенческого заражения и гипноза, подражания и имитации. Другие, опирающиеся на различные традиции, инициированные Чикагской школой, поддержанные представителями символического интеракционизма, интересовались явлениями относительной фрустрации (Тед Гарр), когнитивного диссонанса (Джеймс Гешвендер), эмерджентными нормами (Ральф Тернер, Льюис Киллиан), общими верованиями (Нейл Смелзер), модернизацией (Карл Дейч), массовым обществом (Вильям Корнхаузер).

Третий подход, взявший многое от политической социологии и от экономической науки, принимает парадигму рациональности и предлагает рассуждать в терминах ресурсов, избирательно действующих возбуждений, институциональных ограничений и эффектов агрегирования. С данной точки зрения каждый актер находится в ситуации взаимозависимости и пытается увеличить личную выгоду, при этом включая в свою стратегию ожидания другого. В некоторых случаях («латентные» группы, по терминологии Манкура Ольсона) лучшим решением оказывается «быть безбилетником» (*free-rider*) или действовать в одиночку. Подобное поведение можно объяснить тремя причинами: полученная выгода не стоит усилий, затраченных на ее приобретение или на использование соответствующего блага; доля в общей прибыли уменьшается по мере увеличения числа работающих на ее достижение; затраты превышают ожидаемую

прибыль. Тем не менее решение о примыкании к группе или об уходе из нее не зависит только от утилитаристской аксиоматики, здесь возможны и другие варианты. Так, при недовольстве индивид может выбрать, уходить ему (*exit*) или оставаться; если он остается, его выбор — протест (*voice*) или молчание; если он молчит — он может выбирать между активным участием в отношениях (*loyalty*) и отсутствием такового (*apathy*). Каждая организация также может быть определена на основе двух ее измерений: горизонтального (структурация по типу общности или ассоциации) и вертикального (степень участия в институциональной власти). Вслед за Питером Неттлом, Энтони Обершаллом и Чарльзом Тилли такие авторы, как Дуг Мак-Адам, Джон Мак-Картти или Майер Залд демонстрируют нам, что «если мобилизация происходит в рамках структур, благотворно воздействующих на сохранение тесных коллективных взаимоотношений, то превратиться в настоящее движение, вносящее изменения, она может лишь в противостоянии государству специфического типа». Таким образом, все зависит от ее способности к модификации исторического пространства. Более поздние исследования, проведенные, например, Бертом Кландермансом и Сиднеем Тарроу, имеют целью обогатить этот тип моделей, развивая подход, который учитывает все измерения и принимает во внимание ценности и идеологию.

Номенклатура профессий и социoproфессиональных категорий (*PCS: professions et catégories socioprofessionnelles, nomenclature des*). Эта номенклатура, разработанная Национальным институтом статистики и экономических исследований *INSEE* и ежедневно используемая в большинстве социологических опросов, проводимых во Франции как административной, так и частными исследовательскими цен-

трами, заключается в «классификации всей активной части населения по ограниченному числу крупных категорий, каждая из которых обнаруживает некоторую социальную однородность». Полученные распределения, отвечающие логике стратификации, включают в себя образ жизни, чувство принадлежности, культурные практики.

Начиная с классификаций Александра Пароди (1945) используются два основных критерия: статус (активный/неактивный; работающий/не работающий) и профессиональная иерархия (в зависимости от вознаграждения, квалификации, трудовых отношений; таким образом отличают технических специалистов от рабочих, управленцев от служащих, промышленных рабочих от ремесленников). Каждое наименование соответствует особым интересам, как символическим, так и материальным. Признание этих особенностей проявляется на разных уровнях, идет ли речь о законодательных рамках, пенсионной системе или процедурах заключения коллективных договоров.

Все эти характеристики породили «код CSP», принятый Национальным советом по статистике в 1982 г. после консультации с различными представительными структурами, такими, как профсоюзы или постоянные ассамблеи Палаты мастеров. Некоторые рубрики исчезли или были изменены: среднее звено управленцев, например, теперь принадлежит к группе промежуточных профессий. Они включают в себя и техников, и прорабов. Сельскохозяйственные рабочие и обслуживающий персонал были добавлены к группам рабочих и служащих соответственно. Более мелкие деления (по 24 или 42 позициям) дают информацию о других подразделениях (частный/общественный сектор; мелкие, средние или крупные предприятия...).

Подобный способ действий в целом представляется очень полезным. Он позволяет сравнивать стратегии потребления, изучать феномены межпоколенческой мобильности, сравнивать уровни доходов или размеры состояния. Однако нужно упомянуть и о некоторых критических замечаниях. Всякая номенклатура деятельности на самом деле является историческим продуктом и зависит от двойного представления социального пространства: с одной стороны, основанного на наблюдаемых фактах, с другой — на теории. Эти два подхода дополняют друг друга, но некоторые неоднозначность, нечеткость, возможно даже, произвольный характер некоторых формулировок или наименований не могут быть полностью исключены. Кроме того, необходим периодический пересмотр, позволяющий учитывать развитие средств производства, новых способов управления рабочей силой и переход на временную или краткосрочную форму занятости. И наконец заметим, что конкурентные ориентиры, такие как «классы» или «шкала престижа», также заслуживают упоминания.

Норма (norme). Уже у Цицерона латинское слово *norma* обозначает одновременно и инструмент (в данном случае угольник), служащий для определения прямого угла, и ведущий принцип (в данном случае линию поведения). С ним традиционно связаны три «класса»: логической мысли, волевого действия и представления или чувства.

Как некогда заметил Уильям Самнер в работе *Folkways* (1906), нормы охватывают способы действия, обычаи, нравы и законы и при этом неотделимы от регулирующей деятельности, которая их создает и поддерживает. Свойственные некой группе (в рамках профессиональных поведения и этики) или определенному обществу (при этом целью становится «обеспечение общего благосостояния» при помощи

официально определенных предписаний и запретов), они принимают формы правил или моделей, воспринятых и разделяемых большинством, легитимированных ценностями, организованных в системы, которые (системы) функционируют как коды или как руководства, и несоблюдение или нарушение которых является синонимом девиации и может повлечь за собой санкции либо спровоцировать проявления неодобрения и остракизма.

Усвоение норм, как показал Талкотт Парсонс, неотделимо от процесса социализации и включает в себя не только знание предписанных правил, но и информацию о возможностях маневра, поскольку принятые нами роли не сводятся к списку строго ограниченных процедур. Ослабление норм или их несогласованность может быть источником аномии, склонности к конформизму, с учетом таких факторов, как соотношение издержки/выгоды, моральный долг, потребность в идентификации или примере.

Образование: социология образования (*sociologie de l'éducation*). В самом общем значении термин «образование» означает «то, что образует человеческие качества, или результат этой трансформации независимо от того, была ли она осуществлена намеренно или нет». Можно провести классификацию по областям образования (наука, искусство или религия), его уровням (вспомним о разделении на начальное/среднее/высшее) или формам (первоначальное или продолженное обучение, специализированное или общее). Это «действие, осуществляемое над другими с целью развития их личности», как любили повторять во времена III республики такие авторы, как Альфред Бине или Фердинанд Бюиссон, является прежде всего «средством, которое общество использует для воспроизводства условий своего собственного существования», но также и «произведением власти

и уважения», позволяющим приобрести хорошие манеры или, согласно формулировке Эммануэля Мунье, «научиться свободе посредством соединения руководства других и своих спонтанных импульсов».

С исторической точки зрения можно наблюдать значительные вариации в способе определения и разработке указанных проблем; например, школа может восприниматься как средство повышения жизненного уровня, инструмент социального отбора или институт социализации. В начале века в рамках подхода Эмиля Дюркгейма внимание уделяется в первую очередь происхождению образовательных систем, эволюции содержания отдельных дисциплин и формам организации. Проведенные во Франции в 1960-х гг. большие количественные исследования (в частности, Национальным институтом демографических исследований), опубликованные в Соединенных Штатах «Отчеты» Коулмана (1966) и Плоудена в Великобритании (1967) свидетельствуют о схожих тенденциях, перекликаясь с основными выводами других монографий и исследований, например Алена Жирара или Роже Бастида.

Изучение школьного образования и свойственного ему неравенства породило многочисленные дискуссии. Некоторые, как Кристиан Бодело и Роже Эстабле, рассуждают в терминах идеологического аппарата и господства, культурного капитала и воспроизводства: выражаясь словами Пьера Бурдьё и Клода Пассерона, «наследники» противостоят «стипендиатам». Значение имеют две переменные: финансовые ресурсы и уровень образования родителей. Другие, как Раймон Будон и Мухамед Шеркауи, работая в рамках системной теории мобильности, заостряют внимание на рациональности действий акторов, рассматривая соотношение издержки/риски/прибыль.

Кроме того, если рассматривать образование как процесс передачи знаний, сложно игнорировать важность роли того, кто воспитывает ученика. Долгое время преподаватель воспринимался просто как представитель данного института, но на деле он находится в самом его сердце, и работы Роберта Розенталя и Ленора Якобсона показали, что установки и суждения учителей могут стать решающим фактором социальной успешности детей. Последние исследования сделали попытку лучше понять состав, демографические характеристики и педагогические приемы этой группы.

Заслуживают внимания и другие темы: содержание и структура знаний, профессиональные традиции, внутреннее функционирование образовательных учреждений и процедуры профессиональной ориентации.

Семейные стратегии и представления также играют важную роль и служат различным целям. Можно в первую очередь рассмотреть все, что относится к инструментальности: саморегуляция и аккомодация здесь дополняют друг друга. Другой аспект проблемы — экспрессивность. В данном случае внимание привлекается к воображению и инновациям (чувствительность), лояльности и солидарности по отношению к группе (сотрудничество). В зависимости от обстоятельств, родители предпочитают тактику ограничений или мотивации, контроля или убеждения, наказания или эмоциональной поддержки. Способ распределения задач между супругами также не должен остаться без внимания, как и способы координации (при помощи делегирования или посредничества) с другими инстанциями. Кластерный анализ, к которому прибегли Жан Келлерхальс и Клеопатра Монтандон в работе, изданной в 1991 г., позволяет выделить три основных стиля в образовании: «материнский», статусный и контрактный. Последний в отличие от предыдущих в боль-

шей степени опирается на креативность и эмпатию, чем на авторитет и нормативную стабильность. Другой факт: по мере продвижения в иерархии все более важными становятся переговоры и обращение к внешним ресурсам. Если рассмотреть сегодня взаимодействие внутренней согласованности (соотношение объединяющих тенденций и автономии личности) и внешней интегрированности (открытость или замкнутость по отношению к миру), можно получить новые типы семей: «бастион», «товарищество», «параллельная» и «ассоциативная». Каждый вариант характеризуется особым типом влияния, соответственно: дисциплинарное, аномическое, харизматическое, взаимозависимости. Добавим, что приемы обучения меняются в соответствии с полом (мальчик или девочка) и положением, занимаемым в клане (старший или младший).

Зондаж (общественного мнения) (sondage). Первоначально использовавшаяся для изучения общественного мнения техника опросов — будь то эмпирические исследования, на основе случайной выборки, вероятностные или основанные на квотах — не плод хитроумного теоретического вымысла, а техника, основанная на применении определенного количества научно обоснованных процедур. Исходя из выборки (называемой «репрезентативной») из двух или трех тысяч человек, прошедших стандартизированный опрос, высчитывается вероятность, и по закону больших чисел, связанному с теорией вероятности, мы методом экстраполяции получаем результаты, точность которых достаточна для практически неограниченной популяции. Основной постулат, на основе которого находит применение эта практика, но который довольно часто является предметом споров, — каждый опрошиваемый одинаково понимает предложенные положения или сообщения и все опрошиваемые в состоянии высказаться

по этому поводу, сформулировать свое суждение или предпочтение.

Если вопрос об обоснованности такого подхода и является легитимным, принимая во внимание степень его (подхода) точности, содержательности, надежности, то важно, во всяком случае, признать, что исследования такого рода (предпринимаемые, в частности, в ходе выборов) представляют собой один из многих источников информации, а их влияние идет в двух направлениях: добавить свой голос в «копилку победителя» (*bandwagon*) или смягчить поражение побежденного (*underdog*)¹.

Общественное мнение (*opinion publique*). Общественное мнение, воплощение коллективного разума, может быть определено вслед за Жоржем Бурдо как социальная сила, которая, получая внешнее воплощение через осознание самой себя, вытекает из «сходства суждений, вынесенных большинством индивидов по поводу некоторого вопроса».

В античные времена Геродот и Фукидид вложили в уста перса Оранеса хвалебное слово в честь *vox populi*². Позднее Никколо Макиавелли, не колеблясь, назвал его основой власти; по его словам, «важно заслужить любовь народа, потому что он обладает наибольшей силой и могуществом» (*Le Prince*, 1513, chap. XIX). Это мнение разделяет и Джон Локк в классическую эпоху, высоко оценивая явление, которое в то время

¹ Английское выражение *to climb on the bandwagon* (вскочить на подножку уходящего поезда) и *underdog* (прижатый к земле собакой) прочно вошли в профессиональный жаргон политических аналитиков и означают соответственно принятие избирателем решения голосовать за лидера предвыборной кампании и принадлежность к аутсайдерам предвыборной кампании. — *Примеч. науч. ред.*

² Глас народа (*лат.*). — *Примеч. ред.*

называлось *public spirit*¹, т. е. способность выносить суждения и производить обмен ими, которой может пользоваться всякий «с того момента, как максимально поднимется над своими частными интересами, поскольку это единственный путь к созерцанию Общего Блага». Если *Laws of opinion*² равны по значимости не только законам государства, но и божественным законам, то это происходит по причине превосходства разума и понимания над склонностями и мнениями (*doxa*), причем критерием истины выступает консенсус (подобное соглашение возможно, согласно Иммануилу Канту или Жан-Жаку Руссо, только под знаком просвещения (*Aufklärung*)). В наши дни западные демократии перешли на новый этап, и мнение граждан постоянно изучается и принимается во внимание, для чего созданы специальные учреждения, например *SOFRES* — Французское общество выборочного обследования. Но насколько можно доверять собранным данным? Можно ли вслед за Джорджем Гэллопом утверждать, что «общественное мнение — это просто данные социологических исследований»?

Для уяснения ставок в этой игре нужно вспомнить о нескольких моментах. Сразу подчеркнем, что неизбежным условием для всех правящих или ответственных структур является наличие информации. Как можно было бы без нее осуществлять сбор налогов и призыв в армию? С конца XVIII в. возрастает интерес к измерению и подсчету. В Германии предтечей этого направления был Герман Коринг — родственник Готтфрида Вильгельма Лейбница. В Англии «политическая арифметика» обязана своим появлением Вильяму Петти. Несколько позже во Франции математики Пьер Симон

¹ Общественный дух (*англ.*). — *Примеч. науч. ред.*

² Законы мнения (*англ.*). — *Примеч. науч. ред.*

Лаплас и Жозеф Фурнье оказали влияние на творчество Адольфа Кетле, который совместно с Огюстом Контом способствовал развитию «социальной физики». При рассмотрении вопроса о «трудящихся классах», исследуются проблемы демографии, образования, преступности. Желание высказаться по поводу судьбы населения в разной степени было свойственно и таким авторам, как Фредерик Ле-Пле или Эмиль Дюркгейм. Разве последний не утверждал, что социология была бы бесполезной наукой, если бы не имела практической цели? Начиная с этого момента можно говорить о взлете исследований такого типа, особенно с развитием *Welfare State*¹. Необходимо указать на две значительные даты: 1938 г. (создание Жаном Стотзелем *IFOP* — Французского института изучения общественного мнения) и 1946 г. (основание *INSEE* — Национального института статистических и экономических исследований и основание *INED* — Национального института демографических исследований). Области исследования становятся все более разнообразными: рабочие места, семейный бюджет, отношение к семье, школе или религии... Исследователи интересуются реакцией потребителей на продукт или услугу, изучают популярность кандидата или эффективность рекламной компании, оценивают известность той или иной важной персоны. В результатах заинтересованы многие субъекты, будь то политические партии, группы лоббирования или фирмы.

Хотя на деле социологические опросы и создают ориентиры относительно настроений той или иной категории населения, хоть они и способствуют лучшему осуществлению

¹ Государство благоденствия (*англ.*) — сформировавшаяся в середине XX в. в западных странах государственная система социальных гарантий. — *Примеч. науч. ред.*

демократии и предоставляют возможность менять тактику в соответствии с полученными результатами, в их адрес звучит довольно много критических замечаний. Не все ответы однородны, и их суммирование часто приводит к складыванию разнородных величин. Пьер Бурдьё, а позднее Патрик Шампань отмечают, что под прикрытием объективной процедуры опрашиваемому внушается определенный взгляд на проблему, характеризующий не его самого, а заказчика исследования. Как в таком случае избежать феноменов влияния или убеждения? Данные опроса — это результат в данный момент, для оценки которого нужны время (зависимость от контекста) и ситуация (присутствие участников). Здесь ничто не является фиксированным и определенным. С другой стороны, разве здесь не возникает риск «инструментализации», скрытой пропаганды, а возможно, и манипуляции или мистификации?

Общность (*communauté*). Для Роберта Нисбета понятие «общности», новое открытие которого стало наиболее характерным феноменом социальной мысли XIX в., означает «самый важный из элементарных понятий социологии, чье значение наиболее широко», поскольку покрывает, помимо принуждений и ограничений, материального интереса и межличностных соглашений, все типы отношений, характеризующихся, с одной стороны, тесными, глубокими и длительными эмоциональными связями, моральными обязательствами и принадлежностью к группе, которая основана не только на «уме и сердце», но и на отношениях взаимности между правом и долгом.

Эта концепция, высоко ставящая социальный обмен и традицию, предполагала, например для философов сократовской традиции, наличие стремления к добру, существование норм и участие свободных и равных граждан. В Сред-

ние века, с отказом от «нечистых земных» способов социализации первенство было предоставлено церковной власти, чья высокодуховная, универсальная, вечная природа считалась способствующей причастию к божественной сущности. В свою очередь, Новое время, от Томаса Гоббса до Иммануила Канта, делает акцент на контрактном отношении, которое устанавливается путем передачи полномочий или представления интересов, некоторых гарантий как на уровне личной безопасности, так и того, что касается обладания благами. Данная точка зрения претерпела изменения в работах Эдмунда Берка и Луиса де Бональда, выражающих свое сожаление по поводу замещения родственных связей, религии и социального статуса атомизацией и светскостью, демократическим уравниванием и прагматизмом. Эта ностальгия по органическому и священному единству, отныне смененному утилитарным индивидуализмом, культом разума и торжеством национального государства, также в чести в работах Отто фон Гирке, Генри Мэна и Ньюма-Дени Фюстель де Куланжа. Но только Фердинанд Тённис вводит в 1887 г. знаменитое разграничение между *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*¹. С одной стороны, семья и соседи, корпорации и товарищества, Церковь и духовные ордена; с другой — рынок или крупное предприятие, частное или государственное, основанное не на дружбе или спонтанном, имплицитном соглашении отдельных личностей, разделяющих одну и ту же систему правил, верований или ценностей, но на выработке формального соглашения участников, движимых расчетом и стремящихся к эффективности.

В дальнейшем были предложены другие типологии и другие способы разграничения: Эмиль Дюркгейм говорит

¹ Община и общество (нем.). — Примеч. науч. ред.

о механической и органической солидарности, Макс Вебер — о коммунализации (*Vergemeinschaftung*) и социации (*Vergesellschaftung*), Георг Зиммель — об общих и частных сходствах, Чарльз Кули — о первичных и вторичных ассоциациях... Все эти наименования, не являясь ни однозначными, ни «чистыми», не должны приниматься буквально, скорее должны интерпретироваться как эвристические.

Нужно отметить, что термин «общность» не так давно употреблялся в самых различных контекстах, шла ли речь о профессиональной идентичности (профессиональная общность, в терминологии Рено Сензоле), об организации исследования (научная общность, милая сердцу Томаса Куна), о публичном обсуждении и аргументации (коммуникационная общность, в терминологии Карла Отто Апеля и Юргена Хабермаса), о деятельности и образе жизни, характерных для определенного пространства (*community studies*¹, например, в работах Питера Вильмота и Майкла Юнга, посвященных взаимоотношениям в лондонском предместье в 1950-х гг.).

Опросы (*enquêtes*). От изучения рынка до политических рейтингов, не говоря уж о статистике по имуществу или распределению трудоспособного населения по отраслям или регионам, — нет такого исследования, которое не опиралось бы в той или иной мере на сведения, полученные в результате опросов.

Для проведения исследований общественного мнения существует множество техник, которые основаны в первую очередь на законе больших чисел. Некоторые из техник являются вероятностными (изменение может быть точным или по интервалам), другие опираются на эмпирическую базу

¹ Исследования сообщества (англ.). — Примеч. науч. ред.

или имеют основу экспериментального порядка. В случае ошибок наблюдения или отсутствия ответа (вероятность последнего зависит от заданного вопроса, от степени вовлеченности, от социокультурных характеристик опрашиваемых) может быть применено статистическое смещение. Тогда используют «исправление» или «приближение». Обращение к тому или другому методу зависит от потребностей анализа и от материальных ограничений.

Поэтому интервью может быть более или менее направленным в зависимости от того, является ли целью исследования контроль, проверка или углубление понимания ситуации или данной области. Для успешного завершения исследования необходимо объединить несколько условий: установление доверительных отношений, доступность языка, мотивированность респондента, пространственно-временной контекст... Время от времени используются методы поддержания разговора, такие как «зеркало», или «эхо»: повтор слова или выражения часто воспринимается как приглашение к развитию высказанной мысли. Можно также прибегнуть к «обратным примерам», сослаться на авторитетное мнение или сделать вид, что ничего не знаешь о предмете разговора (техника, называемая «преднамеренным непониманием»). Но и в этом случае могут возникнуть искажения вследствие вербального воздействия или престижности того или иного варианта ответа, гало-эффекта или конформизма. Необходимо также избегать следующих моментов в формулировании вопросов: форм отрицания, слишком абстрактных или двусмысленных формулировок.

Какой бы вариант не был выбран (открытая формулировка: «Каким вы видите будущее?», закрытая: «Вы вчера вечером ходили в библиотеку?», альтернативная: «Вы поедете на полуостров Крозон в июле или в августе?», проек-

тивная: «Если бы вы получили годичный отпуск, что бы вы делали?»...), опрашивающему необходимо помнить о предосторожностях, на что указывал Андрэ Гюте, писавший, что «качество ткани вашего костюма, форма воротничка рубашки, слегка вьющиеся усы могут стать знаками необычайно сложной природы и обозначать уровень ваших полномочий, статус, задачу или намерения» (Guittet, 1983, p. 18).

Все эти элементы влетают в «статистическую цепь», чрезвычайно сложную, в которую вмещиваются, каждый на своем уровне и в соответствии со своими функциями, кодировщики, программисты, СМИ на всех этапах кодирования, обработки информации или публикации результатов.

Что касается монографических исследований и изучения отдельных случаев, они могут быть поисковыми или описательными и служить опорой для более общего анализа. В связи с этим нужно отметить осуществленные в прошлом веке работы Фредерика Ле-Пле и доктора Луи-Рене Виллерме, первые в своем роде. Другие знаменитые разработки: *Middletown* (1929) супругов Линд, *Yankee City* (1941) Уильяма Уорнера или работа Сэмюэля Стоуффера, посвященная поведению и установкам американских солдат во время Второй мировой войны (1949). Среди французских работ нужно отметить те, которые посвящены выбору супруга (Girard, 1964), метаморфозам в Плозеве¹ или волнениям в Орлеане (Morin, 1967, 1969).

¹ Имеются в виду события 7 октября 1954 г. в Плозеве (Франция): «Экипажи многих рыбацких кораблей видели над берегом объект, светящийся оранжевым светом, который был окружен густым дымом. Жители деревни утверждают, что видели тот же самый объект, который приблизился к земле примерно на 10 метров, а затем улетел в юго-восточном направлении» (*France-Soir*, 9 октября 1954 г.). — *Примеч. ред.*

Организация (*organisation*). В своей книге «Современные организации» Амитаи Этциони предлагает нашему рассмотрению следующий вопрос: «Мы в них родились, мы в них учились и мы посвящаем значительную часть нашего времени тому, что работаем в них. От них зависят наши расходы и наш досуг. Большинство из нас в них умрут, а когда придет время похорон, самая большая из всех — государство — должна будет выдать разрешение на погребение. О чем же я говорю?» Ответ приходит сразу: все эти «подсказки» хорошо показывают, сколь важную и разнообразную роль играет в наших современных обществах феномен организаций. В зависимости от вида объединения и сложившихся иерархий, характеристик окружающей среды и типов технологии, степени вовлеченности и мотивированности участников можно выделить множество вариантов организаций бюрократической, экономической или некоммерческой природы. Какой бы мы ни выбрали, на первом плане остается одна и та же «реальность»; мы имеем дело не только со структурированными единствами и уровнями принятия решений, но с открытыми системами, прибегающими к специфическим процедурам координации и регулирования.

С исторической точки зрения основной моделью является модель научной организации труда *OST (organisation scientifique du travail)*. По мнению Ганри Файоля или Фредерика Тэйлора, необходимо бороться против произвольных решений руководителей и незагруженности работников в целях содействия наилучшему сотрудничеству различных подразделений и рационализации производства для создания наиболее эффективной комбинации факторов. При этом опорой должны служить, во-первых, стимулирование в виде того или иного вознаграждения, во-вторых, четкое разделение концепции и исполнения задач. Это рассуждение во

многом имеет бихевиористские корни и основано на подходе, который можно назвать редукционистским, а именно — подхода инженера, столкнувшегося с обязанностями служебного положения и принимающего во внимание показания хронометра.

Критика не заставила себя ждать. Сошлемся на работы школы «Человеческих отношений» (*Relations humaines*). В большом исследовании, проведенном с 1927 по 1932 г. на фабрике в Хоторне, принадлежащих *Western Electric Company*, Элтон Мэйо и его коллеги (в частности, Уильям Диксон и Фриц Ротлиббергер) продемонстрировали, что социальные факторы берут верх над техническими требованиями. Целью эксперимента являлось определение влияния различных параметров (длительность и количество перерывов, лучшее вознаграждение, сокращение рабочего дня) на производительность группы из шести человек, работающих в помещении, снабженном регистрирующими аппаратами, позволяющими оценить роль физических факторов, таких как температура или влажность. Эта изолированная комната, в которой постоянно присутствовал наблюдатель, называлась *test-room*¹. При изменении любого из параметров наблюдался рост производительности в группе испытуемых. Данный факт не вызывал удивления. Но дальнейшая фаза, названная «великим открытием», преподнесла сюрпризы: отмена некоторых из перечисленных преимуществ практически не влияла на ранее полученные результаты, во всяком случае, в пропорциональном отношении изменения были незначительны. Как можно было это объяснить? Финансовое стимулирование имело ограниченную эффективность, как и улучшение условий труда. Напротив, определяющими ока-

¹ Испытательная комната (англ.). — Примеч. науч. ред.

зались другие переменные: взаимопонимание, совместимость, чувство принадлежности к «коллективу», внутри которого можно свободно вести дискуссию и действовать сообща. Работник — это не только «рука», это еще и «ум», и «сердце».

Итак, помимо формальной организации (в которой определяющими моментами являются правила и управление предприятием) существует неофициальная структура, основанная на межличностных отношениях. Каждому из этих «слоев» присуща собственная логика: затрат и эффективности — для первого, чувств — для второго, и поэтому значительная часть препятствий или внутренних конфликтов воспринимается как следствие недостатка связи между этими двумя реальностями. Позднее другие исследования подтвердили важность человеческого фактора при осуществлении власти (Рональд Липпит и Ральф Уайт), в управлении изменениями (Лестер Кох и Джон Френч) или в настрое команды (Дорвин Картрайт и Элвин Зандер).

Между тем можно было ожидать развития так называемого «стратегического» анализа для образования новой парадигмы, которая сегодня ассоциируется с именами Герберта Саймона и Мишеля Крозье. Тогда в чести, в «клиническом» подходе, а не в «предписывающем», понятия «обмена» и «игры», «случайности» и «зоны неопределенности». На основе этого можно сделать следующие выводы:

- множественность точек зрения (каждая из которых ограничена) — это данность реальности, а конфликт, не являясь нарушением функционирования системы, представляет собой основание данного сосуществования (многих точек зрения);
- избираемые пути, выказываемые амбиции, соперничество за распределяемые ресурсы имеют следствием невозможность рассуждений об «общих» целях, т. е. можно

говорить только о «разделенных» целях, причем выражаемые предпочтения не являются ни постоянными, ни однозначными, а — адаптивными и не лишенными двойственности;

- основной проблемой становится вследствие этого поддержание существующих институтов в противовес угрожающим центробежным тенденциям;
- власть (иерархическая, экспертная или промежуточного типа) проявляется только в контексте взаимодействий. Она не является свойством субъектов действия, способностью, которую возможно получить в собственность, это соотношение сил, при котором один из взаимодействующих получит большую выгоду, чем другой, но этот другой никогда не обездоливается полностью. Таким образом, это система взаимных, но асимметричных отношений, которые нельзя смешивать с понятием авторитета. За исключением крайних случаев индивид не детерминирован и не детерминируем полностью в своем поведении.

Работы Эрарда Фридберга, Пьера Гремона или Жан-Клода Тёнига находятся в русле этого течения и дополнительно освещают такие проблемы, как моделирование коллективного выбора, значимость социальных связей с влиятельными людьми или функционирование французской администрации. Аспекты идентификации или социализации представлены в работах Рено Сензоле и Дени Сегрестена, при этом наибольшее внимание уделяется культурной составляющей и «социетальным¹ эффектам» (это также можно

¹ Социетальный (от англ. *society* — общество) — относящийся к обществу в целом, а не к его элементам и процессам внутри него, для обозначения которых используется термин «социальный». — *Примеч. науч. ред.*

заметить по работам различных французских авторов, в том числе Алена Ирибарна, Марка Мориса, Франсуа Селлье и Жан-Жака Сильвестра). Учет таких параметров, как неформальные взаимодействия, феномены исключения, механизмы побуждения или конкурентного отбора мог бы также обогатить наше понимание организационных форм и процессов.

Отчуждение (*aliénation*). Этот термин, восходящий к латинскому слову *alienatio*, имеет несколько значений. В юридическом аспекте он означает прекращение права собственности, следующее за торговой сделкой или соглашением. В более широком смысле оно обозначает отдаление, увеличение расстояния или распад: вспомним о разрушении связи между людьми и богами или, в социологическом контексте, между индивидами. Например, у Жан-Жака Руссо (Rousseau, 1976) общественный договор предполагает, что каждый из членов сообщества, «сообществу в целом отдаваясь» полностью, «не отдается никому» и свои возможности и свою личность ставит «под высшее руководство общей воли». В то время как психологи изучают различные виды психозов или психической дезадаптации (*dementia, insania*), немецкие философы — Иоганн Готтлиб Фихте, Фридрих Гегель и Карл Маркс — применяют другой подход.

В целях упрощения запомним два основных момента. Отчуждение прежде всего сопровождается «опредмечиванием» (иногда говорят вслед за Жаном Ипполитом об «отстранении» или об «овнешнении» (*Entäußerung*)). Такое видение предполагает отрицание как начальный момент сознания, но также — посредством разрыва или разделения (*Spaltung*) — примирение с собой самим, так что «работа отрицания» является необходимым этапом в построении рациональной

реальности. Но в «феноменологии духа»¹ отчуждение может быть понято как жребий «несчастливого сознания», «негативное в чистом виде», отказ от себя в другом, превращение в чуждое (*Entfremdung*).

Хотя Маркс употребляет оба слова, предпочтение все же отдается слову *Entfremdung*². В ранних работах, а именно в «Критике философии права» и в «Рукописях»³, он рассматривает отчуждение в его религиозном, экономическом и политическом аспектах, упрекая Гегеля в идеализме. Маркс привлекает наше внимание к частной собственности на средства производства и разделению общества на антагонистические классы, говоря о нищете рабочих, основываясь при этом на работах Людвиг Фейербаха, несмотря на критическое отношение к ним. Важнейшим здесь является понятие «родовая сущность». Эта концепция, антропологическая по своей сути, в дальнейшем будет отвергнута. В «Немецкой идеологии» и «Манифесте коммунистической партии» ссылки на идею «целостного человека» становятся все более редкими. В «Капитале» описываются товарный фетишизм и процесс овеществления (*Verdinglichung*). Акцент делается на механизме, при помощи которого социальные отношения между людьми превращаются в отношения между вещами. И даже если моментами поддерживается идея «отстранения», можно заметить, что анализ сосредоточен на описании

¹ Имеется в виду известный философский труд Г. В. Ф. Гегеля. — Примеч. науч. ред.

² *Entfremdung* — немецкий эквивалент латинского *alienatio*. — Примеч. науч. ред.

³ Имеются в виду работы Маркса «Введение к критике гегелевской философии права» и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.». — Примеч. науч. ред.

категорий экономических. Как можно объяснить подобное развитие мысли?

В отношении этой проблемы интерпретаторы занимают две противоположные позиции. Некоторые вслед за Луи Альтюссером утверждают, что понятие отчужденного труда является домарксистским. Обнаружив у Давида Рикардо понятие о труде как источнике стоимости, Маркс якобы освободился от «онтологического шлака», перегрузившего его труды. Не вступая в бесполезную полемику, отметим, что такое представление о развитии идей Маркса не согласуется с тем фактом, что понятие отчуждения снова появляется в 1857 г. в работе *Grundrisse*¹, намного позже так называемого «отказа» Маркса от этого понятия. Другие исследователи, например Максимилиан Рубель, считают, что это понятие лежит в сердце марксистской теории, это нечто вроде озарения, которое последующие разработки только углубляли. Продолжая эту логику, но в более радикальной манере, Костас Акселос и Герберт Маркузе дают понять, что настоящие работы Маркса — это «Рукописи», а остальное всего лишь заблуждение.

Делая вывод, подчеркнем, что в то время, как одни восхваляют Маркса-теоретика, другие разоблачают его соскальзывание в «экономизм», о котором свидетельствуют работы, написанные после 1844 г. Поскольку дебаты далеки от завершения, нам бы хотелось предостеречь читателя от крайнего радикализма в этом вопросе, один из полюсов которого представлен утверждениями о разрыве с гуманизмом, а другой — о преувеличении важности философского подхода,

¹ «Очерки» (нем.) — используемое в западной научной литературе название работ Маркса, изданных на русском языке под названием «Экономические рукописи 1857–1859 гг.». — Примеч. науч. ред.

характеризуемого как «туманный». Понятие «отчуждение» служит демаркационной линией между этими двумя постановками вопроса, а промежуточную позицию отстаивают такие исследователи, как Карл Корш или Георг Лукач.

В 1960-е гг., когда ученые придерживались более прагматичной точки зрения, такие авторы, как Мелвин Симан, Эрик Аллард или Роберт Блаунер попробовали определить «шкалу» установок, которая позволяла бы наглядно отразить разочарование в прогрессе или в мире, подчеркнув такие явления, как чувство изоляции, потери собственности или, в терминологии Эриха Фромма и Юргена Хабермаса, «почти неизбежное подчинение своего желания воле другого».

Понимание (*compréhension*). В немецкой герменевтической традиции конца XIX в. целью социологии являлось не объяснение (*Erklärung*), посредством установления причинно-следственных связей, различных по природе своей феноменов, а понимание (*Verstehen*) значения, которое связано с ними, при помощи интерпретационной методологии, основанной на том, что Макс Вебер, защищая номиналистскую точку зрения, называл «объективацией индивидуальных психических процессов». Как часто подчеркивали такие авторы, как Вильгельм Дильтей или Иоганн Густав Дройзен, статистическая связь, какой бы убедительной она ни была, не является достаточной для удовлетворения нашего любопытства, поскольку человеческое действие — явление другого порядка. «Науки о духе» (*Geisteswissenschaften*), называемые также Вильгельмом Винденбандом или Гордоном Оллпортом «идиографическими», предполагают также «отнесение с ценностями» и уделяют большое внимание стратегиям акторов, их возможностям выбора и эффектам агрегации.

Профессия (*profession*). Это понятие неоднозначно, в начале XX в. так называли группу свободных профессий, «занятий интеллектуального характера, высоко оцениваемых обществом, таких как врач или адвокат, вознаграждение за которые исключает мысль о прибыли». Позднее появились другие значения, подчеркивающие как характер работы, специализированной, признанной и организованной, так и уровень активности, тип выполняемых задач или совокупность коллективных интересов, внутри которой каждый занят одним и тем же делом.

Так же разнородны и поля исследования. Так, анализ Карла Маркса сфокусирован на социальных отношениях, возникающих в связи с производством, а размышления Вебера о бюрократии ориентированы на процесс модернизации и на критерии компетентности и рациональности, поскольку получаемый статус зависит от природы выполняемых задач. Эмиль Дюркгейм, в свою очередь, видит в промежуточных организациях, таких как ассоциации или корпорации, легитимную силу, которая может направлять в нужное русло притязания, ослаблять конфликты и эффективно бороться против угрозы аномии благодаря постоянной дисциплине и солидарности. Фердинанд Теннис также говорит о том, что община (*Gemeinschaft*) может проявляться в виде союза или товарищества, основанного на разделенном чувстве идентичности и особых представлениях.

В 1930-е гг. Александр Карр-Саундерс и Пол Уилсон развивают функционалистский подход. Они защищают понятие «идеала службы», ориентированного на «универсализм» и «исполнение» и основанного на квалификации, профессиональной этике и экспертизе. Этот подход в систематизированном виде был воспринят многими авторами, и в первую очередь Парсонсом. Последний, опираясь на парадигму терапевтической связи, настаивает на «состыкован-

ности» социальных норм и культурных ценностей. В этом отношении основными становятся три элемента: точное определение функциональных правил; высшее образование, полученное в престижном учебном заведении; принятие и практическое применение этического кодекса, включающего в себя возможность контроля со стороны равных. Интеракционистский подход, уделяющий больше внимания изучению повседневного поведения, выдвигает на первый план такие понятия, как «карьера», «социализация» и «полномочия», «посвящение» и «обращение». В частности, Эверетт Хьюз в сборнике статей *Men and their Work* (1958), а также Фред Дэвис и Элиот Фрейдсон рассматривают важность стереотипов и дискриминации, ступеней иерархии и социальных траекторий от «первоначальной невинности» и «сознания неловкости» до состояния «ступора» (*psyching out*) и «принятия обязательств» (*commitment*).

Принятие исторической точки зрения, учет внутренних рынков и явлений двойственности или сегментации, обращение к другим отраслям социологии, таким как социология образования, труда или организаций, так же как и международные сравнения, могут дополнить предыдущие исследования и наблюдения.

Религия: социология религии (*religion, sociologie de la*). Согласно классическому определению Эмиля Дюркгейма, религия является «целостной системой верований и практик, относящихся к сакральным вещам, т. е. обособленным, запретным; верований и практик, которые объединяют в моральную общность, называемую Церковью, всех тех, кто к ней принадлежит». Вне обращения к культу, к догмам или к тому, что Морис Леенхард называет мифическим мышлением, необходимо вслед за Генри Губертом или Марселем Моссом упомянуть наличие не только жизненных правил,

оформленных в виде обязанностей или предписаний, но также и ритуалов, касающихся, например, молитвы, паломничества или жертвоприношений.

Можно выделить несколько точек зрения на проблему. В «Введении к критике гегелевской философии права» Маркс (заяв еще более радикальную позицию, чем та, которой во второй половине XVIII в. придерживались Иеремия Бентам, Клод Адриан Гельвеций или барон Гольбах) видит во «вздохе угнетенного создания» лишь «иллюзорное счастье», «хлам суеверий», скрывающие или освещающие положение господства. В анализе тотемизма, осуществленном Дюркгеймом, в отличие от традиционных интерпретаций в терминах анимизма или обожествления природы подчеркивается процесс идеализации и преобразования: «общество имеет все необходимое для того, чтобы пробудить в умах своим влиянием ощущение божественности, потому что общество для своих членов является тем же, чем Бог для верующих в него», — писал он в «Элементарных формах религиозной жизни», подчеркивая, что моменты массовых волнений или интенсивного переживания общности реактивируют ощущение принадлежности к группе. Макс Вебер, в свою очередь, пользуется подходом одновременно историческим и компаративистским. Его исследования затрагивают конфуцианство и даосизм, индуизм и буддизм, не забывая о древнем иудаизме или о протестантской этике. По его мнению, именно последняя в кальвинистском варианте и в сочетании с другими факторами может объяснить развитие в Европе чистой легальности¹ и «мирского аскетизма», соот-

¹ Понятие легальности у Вебера не узко юридическое, а социологическое, означающее осуществление взаимодействий на основе формальных, безличных норм, правил и процедур. — *Примеч. науч. ред.*

ветствующих духу капитализма, как с точки зрения накопленных или инвестиций, так и в том, что касается технической рационализации или эффективности производственных систем. Особенно ярко его воззрения на эту проблему были выражены в книге «Экономика и общество» и трехтомнике *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*.

Хотя сегодня можно констатировать спад энтузиазма в отношении идеологии, которые вызывали «расколдовывание», интерес к символическим системам отнюдь не исчез. Пожалуй, в этом отношении можно упомянуть о «возврате религиозности». Как показывают недавние исследования, этот феномен характеризуется важностью «видимости»¹ непосредственного свидетельства, а также неприязненной (или даже враждебной) установкой по отношению к современному миру. Хотя священство в целом стареет, а количество вновь рукоположенных намного меньше числа ушедших на пенсию или умерших священников, католическая самоидентификация по-прежнему четко проявляется во Франции и в некоторых случаях сопровождается яркими религиозными переживаниями, например, в среде пятидесятников². Говоря об исламской среде, об иудеях или протестантах, можно отметить ту же динамику, то же «обновление» (не говоря уже о волне увлечения сектами, эзотерической или гности-

¹ В данном контексте «видимость» означает наличие формальной, в виде церкви или религиозной общины, организации культа, в противоположность «невидимой религии», существующей в качестве разнообразных верований и ритуалов, характерных для сознания и поведения любого человека. Понятие «невидимая религия» было введено немецким социологом Томасом Лукманом в одноименной книге. — *Примеч. науч. ред.*

² Христианская секта, возникшая в конце XX в. в США. Название связано с преданием о сошествии Святого духа на апостолов в 50-й день после вознесения Христа. — *Примеч. науч. ред.*

ческой «духовностью»). И тем не менее в нашем «секуляризованном» и «потребительском» обществе все выше ставится не конфессиональная модель, а модель общинная (выходящая за рамки тех институтов, которые ранее считались «представителями религиозности»).

Объектом пристального внимания служат также другие проблемы, связанные с отношениями между представителями разных религиозных конфессий и разных социальных кругов. Основное внимание при этом уделяется влиянию системы практик и ценностей на типы социализации, на образ жизни или на политическое поведение.

Ритуал (rites). Речь идет, как отметили Джеймс Фрезер, Люсьен Леви-Брюль и Клод Леви-Стросс в работах, посвященных магии, первобытной ментальности и мышлению примитивных племен, о «совокупности повторяющихся, кодифицированных действий, зачастую торжественных, которые могут выражаться в словах, жестах или позах, несущих большую символическую нагрузку, основанных на вере в священные силы (или в некую силу, движущую людьми), с которыми человек пытается общаться» вне зависимости от того, связана ли эта попытка с получением той или иной милости. Это правила поведения, которые подчиняются законам сходства или участия, и «от колыбели до могилы» предписывают адекватный способ поведения или получения нового статуса. Вслед за Эмилем Дюркгеймом или Марселем Моссом, можно разделить их на «позитивные» (например, приношение или молитва), «негативные» (запреты или табу), «искупительные» (в отношении очищения или искупления). Другие классификации выдвигают на первый план трансгрессию¹ или трансцендентность и говорят о переходе

¹ Нарушение границ, выход за пределы дозволенного. — Примеч. науч. ред.

или об обращении. С точки зрения этнометодологии Ирвинга Гоффмана, важнее анализ различных ритуалов, упорядочивающих нашу повседневную жизнь, поскольку он освещает нам то, что Жильбер Дюран в 1960-е гг. назвал «антропологической структурой воображения».

Сакральное (sacré). В 1912 г. Эмиль Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» повторяет определение, введенное двадцатью пятью годами раньше Уильямом Робертсоном Смитом в *Lectures on the Religions of the Semites*, разделяющее сакральное, т. е. «вещи, защищаемые и отделяемые от людей запретами», и мирское, т. е. «то, что должно вследствие запретов оставаться в стороне от вещей, принадлежащих к первой группе». То, что отделяется таким образом (*sanctum*, освященное место, по отношению к *profanum*, неосвященному, т. е. с этимологической точки зрения то, что отделяет «храм от его окрестностей»), имеет неосознаваемую ценность, заслуживает безусловного уважения и поэтому может являться объектом культа. С ним связаны нерушимые правила, освящение и моральная чистота. Некоторые, связывая это понятие с меланезийским *mana*, видят в нем трансцендентную реальность, анонимную и безличную силу, истоки которой находятся в самом обществе; другие предпочитают выделять особую категорию, такую например, как нуминозное у Рудольфа Отто, или делают акцент на «сменившем обличье жертвенном насилии», с которым связан двойной перенос: сначала агрессивности, затем примирения. Анализ мифов и ритуалов, символов и систем представлений занимает в этой перспективе основное место, как и изучение различных форм набожности (Георг Зиммель) или харизмы (Макс Вебер).

Самоубийство (suicide). В обыденном смысле «самоубийство» означает «действия человека, который убивает себя

сам». Речь идет о классическом понятии, которое начиная с XIX в. привлекало внимание таких представителей «моральной статистики», как Андре-Мишель Герри, Энрико Морселли или Адольф Кетле. В этом отношении особого внимания заслуживает работа Эмиля Дюркгейма *Le suicide* (1897). Основной тезис данной работы стал предметом оживленной дискуссии, а методология до сих пор является образцовой. Аргументация развивается следующим образом:

- в первую очередь Дюркгейм определяет феномен: «Всякий случай смерти, последовавшей напрямую или косвенно от действий, положительных или отрицательных, совершенных самой жертвой, которая знала об их результате». Можно привести много примеров: отчаявшийся влюбленный, разорившийся банкир, «добровольная смерть», окруженная ореолом славы или героизма (мученик или самурай, например);
- на втором месте — опровержение предыдущих интерпретаций, в частности, предложенных медиками и психологами. Последние говорят о «предрасположенности» или, как Габриэль Тард, рассуждают о «подражании», «действии, которому непосредственно предшествует представление о схожем акте, осуществленном в прошлом кем-либо другим, притом что между этим представлением и осуществлением действия не происходит мыслительной операции, эксплицитной или имплицитной, которая бы осветила внутренне присущие этому действию признаки». Используя метод сопутствующих вариаций, Эмиль Дюркгейм резко критикует этот подход: если бы самоубийства распространялись путем «заражения», можно было бы проследить их распространение на карте, начиная с эпицентра, но это невозможно;

- затем следует построение типологии. Выделены четыре формы самоубийства: *эгоистическая, альтруистическая, аномическая* и *фаталистическая*. Первая имеет место в случае, когда разрушаются рамки интеграции, вследствие чего наступает апатия и отсутствует привязанность к жизни. Вторая касается «избытка альтруизма». Люди, обладающие им, например старшие офицеры в армии, — действуют энергично, страстно. Эти две формы (эгоистическая и альтруистическая), относящиеся к одному структурному уровню, связаны с адаптацией индивида к обществу, поскольку индивидуация не должна быть ни чрезмерной, ни недоразвитой. Третий и четвертый варианты, сгруппированные вокруг понятия регуляции, относятся к случаю, когда нормы в обществе либо недостаточно определены, либо слишком чужды индивиду. Когда существует неуверенность (относительно норм), могут возникнуть экономические кризисы, подчеркивая «несоответствие между притязаниями и удовлетворением». С другой стороны, если религиозные, гражданские или этические ограничения присутствуют повсюду и переживаются с излишней интенсивностью, возможно поведение по типу камикадзе. Уточнив эту позицию, можно выделить следующие основные корреляции: процент самоубийств более высок среди мужчин, чем среди женщин, в Париже, а не в провинции, среди холостяков и вдовцов, а не женатых людей; переход к действию осуществляется чаще днем, чем ночью, чаще весной и летом, чем зимой и осенью... Кроме того, вероятность самоубийства заметно увеличивается с возрастом, а молодежь является наиболее защищенной от него группой. Отмечено также существование коэффициентов защищенности от самоубийства («Нищета защищает...») или, наоборот,

увеличения его вероятности (например, среди протестантов по сравнению с католиками);

- последний этап — **формулирование тезиса**. Каждый самоубийца считает, что подчиняется собственным желаниям, в то время как он — лишь игрушка в руках коллективных сил: «Если, вместо того, чтобы рассматривать самоубийства как частные события, изолированные одно от другого и требующие отдельного анализа, рассмотреть их в совокупности за определенное время внутри данного общества, то можно увидеть, что они представляют собой новый своеобразный социальный факт, в котором присутствуют индивидуальные черты и внутреннее единство». Во избежание трансформации «нормального» в «патологическое» Дюркгейм ратует за укрепление структуры семьи и развитие «корпораций» (или, говоря современным языком, профессиональных сообществ). Вывод: человеку требуется дисциплина, определяемая высшей силой, одновременно авторитарной и доброжелательной (т. е. достойной любви); и этой силой, которая привлекает к себе и сама входит в нашу жизнь, может быть только само общество.

Обсуждение этих позиций вращается вокруг трех основных вопросов:

- **значимость статистики**: какое определение принять: бытовое, социологическое, медицинское? Соответствуют ли источники, которыми мы располагаем (регистрация гражданского состояния, судебная администрация), нуждам исследования? В какой мере в них отражаются «покушения на самоубийство»? Как отличить «крик о помощи» от истинного намерения умереть?

- **валидность корреляций**: большинство утверждений Дюркгейма до сих пор сохранили свою актуальность, идет ли речь о таких переменных, как возраст, пол, религия, время года, гражданское состояние. Но есть и два изменения: географическая локализация (крестьяне, будучи маргинализированными, чувствуют себя исключенными из доминирующего образа жизни) и социопрофессиональная категория (нынче наиболее подвержены самоубийствам наемные рабочие в аграрном секторе, а не высшее управляющее звено);
- **корректность некоторых интерпретаций**. Например, неужели «разница в проценте самоубийств» между протестантами и католиками объясняется исключительно религиозным фактором (и является следствием того, что в кальвинизме более важное место занимает свобода воли)? Разве не правильнее принять во внимание, как это сделал Морис Хальбвакс в начале 1930-х гг., особенности проживания (разделение на городской/сельский образ жизни)? Возможно, здесь мы видим «коллинеарность»¹? И далее, можно ли ссылаться на «инстинкты» для объяснения того факта, что развод является для мужчин более серьезным поводом для отчаяния? Кроме того, отметим, что выражение «суицидогенное течение» не лишено двусмысленности: следует ли под ним понимать «объективную реальность», «определяющую причину», «нового Молоха, ищущего себе жертв среди индивидов»? Наконец, Жан Башлер, Джек Дуглас и Ханнан Селвин задаются вопросом, почему необходимо *a priori* отвер-

¹ Одновременные параллельные изменения нескольких переменных, между которыми нет причинно-следственных или функциональных связей. — *Примеч. науч. ред.*

гать другие подходы: «стратегический», биографический или количественный, притом что наблюдения позволяют убедиться в существовании многих типов логики: уход, агрессия, дар, игра?..

Высоко оценивая подход «триангуляции», Кристиан Бодло и Роже Этабле делают вывод, что «в феномене самоубийства есть то, что особенным и доступным пониманию образом зависит от величин, характеризующих общество», также понятие интеграции, как показал Филипп Беснар, сохраняет свою силу.

Семья: социология семьи (*famille, sociologie de la*). Семья как предмет изучения — это излюбленное «место встречи» социологов, демографов, историков и этнологов. Эта «связь», начинавшаяся как конфронтация, послужила поводом к возникновению в конце 1960-х гг. плодотворного взаимодействия. Особенно важным оказалось совместное использование различных источников, будь то нотариальные архивы, монографические исследования или данные переписи. Среди наиболее известных работ в этой области необходимо упомянуть труды Филиппа Ариеса, Алена Жирара, Петера Ласлетта, Клода Леви-Стросса или Эдварда Шортера.

Было разработано несколько подходов. Первый занимается проблемами формирования и структурирования домашней группы, связывая тонко проработанные типологии с особенностями социально-экономического контекста. Второй подход описывает эволюцию и разнообразие систем родства, в частности отношений родительства. Если принятые классификации опираются на понятие клана или рода, то «политика браков» подчиняется правилу экзогамии.

Вновь установленные связи могут быть простейшими или сложными, прямыми или асимметричными, возникать

немедленно или быть отсроченными. Еще один популярный сюжет: передача норм и ценностей, возможная благодаря «внушению», «пропитыванию» и «научению». Анна Бюксюэль-Дуэр и Анник Першерон указывают на следующие четыре ключевых момента:

- «длительное постоянство», которым отмечено воспроизводство и при помощи которого сохраняется традиция, присущая семейной группе;
- «исчезающее постоянство», относящееся к ситуации более или менее временного отстранения от родительского наследия;
- «отказ», описывающий ситуацию окончательного разрыва;
- новшество», т. е. недавно введенные факторы социализации.

Наследие, таким образом, является той имплицитной совокупностью образов, жестов, знаний и верований, одновременно явных и скрытых, из которой индивид может в зависимости от обстоятельств что-либо почерпнуть или оставить в забвении. Конечно, это результат накопления, но также и отбора, селекции. Важное место здесь занимает память, являясь живой связью между поколениями, продолжением прошлого в настоящем, которая хорошо вписывается, как продемонстрировал в свое время Морис Хальбвакс, в динамику переоценки ценностей, и именно при ее посредстве складывается идентичность субъекта.

Тип организации семьи также заслуживает внимательного анализа. Исследования «притязаний французов», проведенные CREDOC, показывают, что здесь существует тройственная логика: имущественная, супружеская и ассоциативная, каждая из которых может быть определена в зависимости от своих «традиционных» или «модернистских» признаков. Все

эти признаки не должны восприниматься как однозначные: это лишь «формальные рамки» (в зиммелевском¹ смысле), эвристическая ценность которых отвечает структурированию и четко определенным целям. Например, ассоциативный тип предоставляет всем членам семьи поддержку и все необходимые средства для более или менее автономной социализации. Иерархическое распределение обязанностей более характерно для двух других типов, которые чаще всего встречаются в небольших независимых ячейках (сельскохозяйственных, ремесленных или торговых), или в прослойке наемных служащих. Более ранние исследования, вводящие понятия «продвигающих» или «традиционных» вариантов, согласно работе Джорджа Менахема, обогащают нашу дискуссию в том, что касается форм социализации, установок относительно количества детей в семье или поведения на рынке труда.

Последний важный момент: отношения внутри пары, изученные при помощи социологии повседневной жизни, включающей в рассмотрение факты и действия, которые ранее большей частью оставались без внимания и расценивались как малозначимые. Среди таких моментов: отношение к белью, к телесному контакту, к чистоте и порядку. Могут быть также определены точки «трудностей» и компромиссов: «самоотдача» и «подсчет долгов» без конца смешиваются, чередуются на протяжении кратких периодов, включаются в двусмысленные действия, а иногда развиваются параллельно. Для Жан-Клода Кауфмана, автора работы «Перепитии супружества» (*La Trame conjugale*, 1992), одним из наиболее интересных показателей являются «выраженница»,

¹ Георг Зиммель — немецкий социолог конца XIX — начала XX в., разработавший так называемую формальную социологию. — *Примеч. науч. ред.*

«которые срываются с уст, короткие, но жестокие», когда один из партнеров считает, что пришла пора платить за уступки, некогда им совершенные. Как только взаимность начинает восприниматься как «текущая», а не как потенциальная величина, в ход идет другая «техника». Тут же мобилизуются все «изыски» разговора или невербальной коммуникации, не забыты варианты «плутовства» или «отступничества» (*trick/exit*¹, в терминологии Альберта Хиршмана), «микросоциальное в наиболее тонких проявлениях смешивается с макросоциальным в наиболее широком смысле, создавая повседневные привычки».

В коллективной работе «Мудрость и беспорядок» (*La Sagesse et le désordre*; Paris, 1980, p. 247) Сабина Шаллон-Демерсе отмечает, что в глазах общественного мнения семья в последнее время имеет тенденцию к разрушению, разъединению: «Некоторые сожалеют об этом, другие — радуются, но все единодушно служат по ней погребальную мессу».

Опросы подтверждают первое впечатление: снижение количества детей в семье настораживает, больших семей становится все меньше, проживание под одной крышей супружеских пар, принадлежащих к разным поколениям, осталось в прошлом... Другие статистические данные еще ярче подчеркивают эти тенденции и привлекают внимание к кризису рождаемости, превращению развода в обыденное дело (банализации), развитию сожителства среди молодежи и росту числа внебрачных детей.

Несмотря на всю суровость такого заключения, оно пока не означает ни разрушения домашнего мира, ни необратимости упадка института семьи. Последний подключает свои адаптационные способности, изобретает новые правила и вновь делает актуальной привязанность к семейному очагу.

¹ Обман/уход (англ.). — *Примеч. науч. ред.*

Кроме того, солидарность разных поколений, выражаемая в форме завещаний, дарения или наследства, продолжает сохранять большую значимость: она являет собой совокупность права и долга, обязанностей и ожиданий. Помощь, длительная или целевая, может быть связана как с императивами «выживания», так и с «продвижением», и может выражаться по-разному: в предоставлении крова, уходе за детьми или заболевшим членом семьи, финансовой помощи... В свою очередь, молодые не остаются в долгу. Их эмоциональная поддержка оценивается высоко, особенно в случае немощи, болезни или вдовства представителей старшего поколения. Близость проживания также не исчезла: 75% жившихся детей проживают менее чем в 20 км от родителей. Все эти контакты усиливают связи внутри группы и ее гомогенность. Сведения, которыми обмениваются поколения, зачастую представляют большой интерес, поскольку могут быть использованы для укрепления отношений, устройства жилища, поиска работы или совершенствования в рукоделии или садоводстве.

Все перечисленные изменения противостоят тенденции к нуклеаризации¹. Превратности конъюнктуры не угрожают динамике семьи, а усиливают ее. Влияние родителей (аффективное, ритуальное или символическое) далеко не ограничивается сельским обществом, оно остается по-прежнему сильным. «Любовь к генеалогическому дереву» становится совместимой с распылением клана, который прини-

¹ Нуклеарная (от лат. *nucleus* — ядро) семья состоит из пары супругов/партнеров, образующих «ядро» группы, и может включать одного-двух родственников, обычно детей. Нуклеарная семья — современный тип, в противоположность традиционному типу большой семьи, включающий несколько поколений и несколько ветвей родственников, живущих вместе. — *Примеч. науч. ред.*

мает слабо определенную форму (входят ли в него неженатые сожителы или дети второго брака?) и опирается на «коллективизм», «удовольствие от совместного времяпрепровождения», на деятельность, приобретающую черты «большого равноправия и меньшей кодификации».

Если читатель хочет подробнее ознакомиться с различными проблемами, он может обратиться к работам Жана Келлерхалса, Луи Русселе, Мартина Сегалена или Франсуа де Сингли.

Социальность (*sociabilité*). Как заметил Жан Блашлер в сборнике *Traité de sociologie* (1992), следует быть крайне осторожным с применяемой терминологией во избежание смещения понятий и путаницы. Можно выделить три уровня рефлексии. Сначала необходимо упомянуть «социальность» (*sodalité*)¹, т. е. человеческую способность образовывать «группы», которые можно определить как активные единицы, такие как семья, пара, предприятие или профсоюз, церковь или армия. Если мы продолжим наше рассуждение, опираясь на понятие «сетей», или учтивости (*civilité*), и посмотрим, какие отношения устанавливаются в среде родственников или соседей, кружка или салона, то здесь наиболее подходящим словом окажется «социальность» (*sociabilité*). Социальность (*socialité*), в свою очередь, очерчивает круг морфологий (племен или феодалов, городов или наций) и отсылает нас к анализу форм солидарности (*solidarité*). Изучение явлений мобилизации находится в этих рамках и включает в себя структуры контроля и стратегии обмена. Первые имеют нормативную (интериоризация), институциональную (делегирование власти), «акциональную» (участие)

¹ От *sodalicio* (лат.) — товарищество. — *Примеч. науч. ред.*

природу или связаны с принуждением (подчинение). Вторые отвечают различным целям (инклюзивным или эксклюзивным). В связи с рассмотрением «отношений» сочетание этих вариантов может описать такие типы поведения, как *exit* или *voice*¹, лояльность или протест, апатия или самоустранение.

Социализация (*socalisation*). Этот термин уже давно используется как в культурной антропологии, так и в психоанализе или генетической психологии. Социологи, со своей стороны, интересуются процессом, при помощи которого индивиды, воспринимая образ действий и мышления своего окружения, интериоризируя его и интегрируя² его в свою личность, становятся членами группы или коллектива, внутри которых они получают особый статус.

Прежде всего ознакомимся с дюркгеймианской точкой зрения. С того момента, как мы оказываемся перед необходимостью жизни в обществе, мы должны считаться с определенными правилами. Социальный порядок имеет свои собственные требования. Уважение этих ограничений предполагает, что «коллективное сознание» в состоянии распространить сообщение о «нормализации». Правильное получение этого сообщения ориентирует наше поведение в определенном направлении. В результате мы приспосабливаемся к таким императивам и предписаниям, как вежливость, правила хорошего тона, аккуратность. Принятие этих правил, более или менее молчаливое, укоренилось в традиции, выполняет

¹ Уход или выражение протеста (англ.). — *Примеч. науч. ред.*

² Интериоризация (от лат. *interior* — внутренний) — усвоение индивидом форм мышления и поведения, характерных для социального окружения; превращение этих форм в установки сознания как «внутреннего мира» индивида. — *Примеч. науч. ред.*

регулирующую роль и предохраняет от большого количества неприятных ситуаций. Пренебрежение своими обязанностями может приравняться к оскорблению или нарушению закона.

И точно так же любое покушение на установленные обычаи ведет к серьезным конфликтам: тот, кто нарушил запрет, может быть подвергнут санкциям, а тот, кто нарушил сакральный характер той или иной заповеди, не защищен теперь от преследований и может быть стигматизирован («помечен ярлыком»)¹.

Усвоение этих норм не происходит моментально. Необходимо прохождение нескольких этапов, и понимание приходит постепенно, вслед за фазой зрелости, определенной Жаном Пиаже при изучении формирования моральных оценок у ребенка. Если разделение код идеальный/код реальный почти не затронуто обучением и требует большой проницательности, то, с другой стороны, сам по себе длительный контакт с повседневной реальностью позволяет лучше понять, какими возможностями для маневра мы располагаем. Научение помогает нам сперва расшифровывать, затем отбирать информацию, предназначенную для нас. Мы, таким образом, опытным путем или путем последовательного приспособления научаемся не повторять одних и тех же ошибок. Усилия, затраченные на интериоризацию, имеют следствием и упорядочение нашего мышления: иерархизируются приоритеты, легитимируются доступные средства. С данного момента начинает пополняться хранилище наше-

¹ Стигма (греч. *stigma* — пятно) — В Древней Греции метка или клеймо на теле раба или преступника. В современной социологии понятие «стигма» используется для обозначения навязанной индивидам негативной идентичности. — *Примеч. науч. ред.*

го знания (как формального, так и неформального). Обучение, которое сначала казалось сложным, в дальнейшем становится все проще, доступнее, вплоть до того момента, когда эти навыки превратятся в «очевидные» или «само собой разумеющиеся». Эта работа по «рутинизации», внешне незначительная, тем не менее представляет высокую ценность, поскольку она являет собой наше участие в процессе, который Питер Бергер и Томас Лукман называют «социальным конструированием реальности».

Впрочем, степень нашего участия в значительной мере определяется обстоятельствами: согласно классической терминологии Роберта Мертона, разработанной им в конце 1940-х гг., можно выделить пять вариантов. Наиболее часто встречающийся соответствует ситуации адаптации или «конформизма». Если присутствует избыток старания, открыт путь к «ритуализму». Другая, противоположная, стратегия — это «мятеж». Недовольство может относиться к совокупности доминирующих ценностей и способствовать «экстремизму». Можно выделить и практику самоисключения, или «ухода» (например, в мечту, в мистицизм): отстранение в этом случае добровольно.

Последний вариант, свойственный активным меньшинствам, — это «инновация», которая может найти выражение в мелких изменениях, связанных с обустройством более комфортной среды, в реформах или в еще более глубоких трансформациях.

Добавим, что между обществом и девиантностью существуют сложные отношения. Если преступники становятся объектом более или менее суровых наказаний и репрессий в зависимости от тяжести совершенного преступления, то в отношении к нищим и бездомным можно наблюдать относительную мягкость. Но при этом терпимость по отношению

к сумасшествию или маргинальности зависит от культуры. Приведа эти замечания, нужно сказать, что процесс социализации не является пассивной имитацией существующих моделей. Между передающим и принимающим устанавливается в некотором роде диалектическое взаимодействие. Если мы признаем, что любая позиция не является фиксированной и поведение не сводится к воспроизведению заученных схем, то и обусловленность никогда не является совершенной и наталкивается на многочисленные виды сопротивления. Тем не менее признаем, что влияние среды остается весьма значительным, даже если мы не принимаем тезис «запрограммированной судьбы». Далее, нужно отметить, что по сравнению с СМИ, школой или профессиональными организациями особое место занимает семья. Она первая берется за выполнение образовательных задач. Кроме того, оказываемое ею влияние не заканчивается с подростковым возрастом, а продолжается с той или иной интенсивностью в течение всей жизни. Наконец, отличия одной семьи от другой довольно многочисленны.

Таким образом, представляется более предпочтительным говорить не о стереотипных причинно-следственных явлениях (типа стимул—реакция), не вести рассуждение о «дрессировке» или «внушении», а принять многосторонний подход, опираясь на интеракционистскую парадигму и подчеркивая вариативность норм, ресурсов и ограничений.

Что касается новых подходов, здесь можно наблюдать попытку подняться над некоторыми устоявшимися мнениями, рассмотреть социализацию в обоих аспектах — «первичном» и «вторичном», или, согласно Веберу, в аспектах «общности» и «общества», рассмотреть ее как взаимодействие между системой правил или ценностей, с одной стороны, и с другой — социальными агентами, которые не лишены им-

провизаторских способностей и умеют извлекать выгоду из представившихся возможностей.

Социальная мобильность (*mobilité sociale*). Понятие социальной мобильности многогранно. Если мы рассматриваем индивида в начале и конце его активной жизни, мы можем говорить об **интрагенерационной**¹ мобильности; в свою очередь, так называемая **интергенерационная** мобильность относится к соотношению положения отцов и детей. Возможны различные конфигурации.

В коллективах с жесткой иерархией перегруппировки происходят по строго определенным правилам как с точки зрения политики, так и экономики. В Индии правила эндогамии, а также религиозные различия, соблюдение религиозной чистоты не позволяют в какой бы то ни было форме смешаться касте брахманов с кастой неприкасаемых. Другой пример — средневековая Франция с ее сословной структурой, учитывающей такие критерии, как честь и уважение. Структурирование такого типа в принципе исключает взаимопроникновение групп. Напротив, в индустриальных обществах или обществах, претендующих на равенство, как с правовой точки зрения, так и фактически сломан наследственный характер распределения социальных статусов и ролей. В этом случае друг другу противопоставлены два теоретических подхода: один говорит о классах и характеризуется одновременно динамичным и конфликтным анализом (диалектический материализм в марксистской традиции), другой — опирающийся на теорию слоев — связан с эмпирическим и описательным подходом (англосаксонское течение, работающее со шкалами престижа).

¹ От англ. *generation* — поколение. — Примеч. науч. ред.

Пользуясь статистическими данными, сведенными в таблицы¹, и обращаясь к классической технике регрессионного анализа или к более специфическим показателям (например, предложенным Сабуро Ясуда или Гуннаром Перссоном), можно измерить влияние первоначального окружения (прежде всего семьи) и других этапов социализации (а именно школьной системы) на дальнейший путь индивида и на полученную им квалификацию. Во Франции это исследование *FQP (Formation qualification professionnelle)* — исследования профессионального образования и квалификации, опирающиеся на номенклатуру социопрофессиональных категорий (во Франции называемую *CSP/PCS*). Основным является исследование главной диагонали. Чем выше доля находящихся на ней, тем больше превалирует *status quo*. В этом случае можно обозначить «эффект родословной». Необходимые сведения черпаются из дополнительных источников. В частности, важно различать, как продемонстрировал Жозеф Каль в 1957 г., «мобильность брутто» и «мобильность нетто», демографические вариации (миграционные потоки, дифференцированная рождаемость) и изменения системы производства, ставшие следствием техно-

¹ Имеются в виду таблицы, характеризующие распределение по статусным категориям в различных поколениях. Например, для общества, в котором выделяются (условно) две статусные группы и два поколения, таблица будет иметь такой вид.

		«ДЕТИ»	
		C ₁	C ₂
«ОТЦЫ»	C ₁	a	b
	C ₂	c	d

Доля тех, кто унаследовал статус «отцов», образуется суммой *a* и *d*, а доля тех, кто перешел в иную статусную группу, образуется суммой *b* и *c*. — Примеч. науч. ред.

логического прогресса, массовым переселением из сельской местности и значительным увеличением третичного сектора экономики (сектора обслуживания)¹, изменившего природу наемного труда и налагающего новые ограничения.

Можно говорить о двух возможностях прочтения, во многом схожих. Первое подчеркивает понятие **предназначения**), второе — понятие **рекрутирования**. В некоторых работах, поддерживающих обе точки зрения, подчеркивается верность старой формулы «яблоко от яблоньки недалеко падает», или «каков отец, таков и сын» (выбранной Клодом Тело для заглавия одной из своих работ: *Tel pure, tel fils*, Thélot, 1982). В этих работах также отмечается высокий уровень жесткости на вершине иерархии. Средние же слои характеризуются большей гибкостью. Другое замечание: изменения происходят по короткой траектории: представитель высшего управленческого звена, столкнувшийся с неизбежностью понижения, скорее окажется в дальнейшем на позиции технолога или преподавателя, чем чернорабочего или рабочего в агросекторе. Кроме того, самовоспроизводство среди крестьян по-прежнему имеет место, а половина детей рабочих тоже становятся рабочими.

Для лучшей оценки результатов стоит заметить, что профессия, являясь синтетическим показателем, лишь отчасти характеризует статус индивида. При этом уважение, благоприятное отношение, привилегии, связанные с выполняемой работой или профессией, могут меняться со сменой поколения, и нельзя с уверенностью сказать, возвращаясь к тому же примеру, что сын учителя сохранит его общественное положение, став профессором высшей школы. Нужно отме-

¹ Первичный сектор — аграрный, вторичный — промышленный. — *Примеч. науч. ред.*

тить, наконец, что отклонения, связанные с безбрачием или с датой рождения, обычно не принимаются во внимание, как и различные события биографии, особенности семьи, будь то психологический климат, количество сестер и братьев, рождение в браке или вне брака, организации семейного пространства или стратегий обучения.

Не считая первых исследований, проведенных в 1927 г. Питиримом Сорокиным, сравнительные исследования, посвященные «уровню» и «барьеру», начались в середине 1950-х гг. с работ Сеймура Липсета, Рейнарда Бендикса и Ганса Зеттерберга. В них шла речь о «процессах фильтрации и подгонки», ведущихся «инстанциями отбора, распределения и оценивания» талантов и компетенции. Десятилетием позже Питер Блау и Отис Дункан укажут на существование «фундаментальной тенденции к растущему универсализму», и подтвердят значимость «американского кредо», т. е. преимущества личного успеха (*achievement*) перед социальной наследственностью (*ascription*)¹. В фокусе этих дискуссий (в которых также приняли участие Раймон Будон во Франции, Роджер Жиро в Швейцарии, Кристофер Йенкс в Соединенных Штатах, Карл Майер и Вальтер Мюллер в Германии) — проблематика неравных шансов, определение важности переменной «образования и инвестиций в человеческий капитал», тезиса обусловливания и постулата меритократии², притом что структура дипломных квалификаций с точки зрения высшей школы не обязательно соответствует структуре по-

¹ *Achievement* (англ.) — достижение, *ascription* (англ.) — предписание. — *Примеч. науч. ред.*

² Меритократия (от лат. *meritus* — достойный и греч. *kratos* — власть) — возникшая в середине XX в. концепция идеального порядка, при котором на властные позиции выдвигаются наиболее способные люди, отбираемые из всех социальных слоев. — *Примеч. науч. ред.*

зиций, предлагаемых на рынке труда (здесь можно наблюдать явление, называемое «парадоксом Андерсона»).

Добавим, что издержки мобильности часто рассматривались в терминах аккумуляции или анонии, новой социализации или разрыва с интеграцией и что феномены повышения, продвижения по службе могут расцениваться как основа всего демократического общества (Алексис де Токвиль), осязаемый признак обновления или лучшей «циркуляции» элит (Вильфредо Парето) или, наоборот, как элемент ослабления боевого потенциала рабочего класса (Карл Маркс), который может объяснить слабый отклик на социалистические и коммунистические доктрины в Америке (Вернер Зомбарт).

Социальное неравенство (*inégalités sociales*). «Каждый стал смотреть на другого и захотел, чтобы смотрели на него»; и с этого момента «общественное признание стало цениться». Начиная с Жан-Жака Руссо, Алексиса де Токвиля и Карла Маркса тема неравенства, рассмотренная с точки зрения социального контракта, или через призму «общих и господствующих страстей», или под углом диалектического материализма, занимает важное место как в социологии, так и в философии и политологии. С эмпирической точки зрения можно измерить различия в престиже, доходе или профессии при помощи дисперсии типа коэффициента Джини и показать — какими бы ни были ограничения, накладываемые используемыми методами и инструментами, — что преимущества или затруднения могут накапливаться, но уровень терпимости или, наоборот, коллективной фрустрации изменчив и зависит от контекста.

Отклонения от нормы и несходство, наблюдаемые в реальности, поддаются только скрупулезному анализу, поскольку связаны с принадлежностью к той или иной группе

и с положением, занимаемым в иерархии. Нужно ли в этом отношении делать акцент на разделении труда, на частной собственности на средства производства или классовых антагонизмах? Механизмы передачи материального достояния и логика воспроизводства или обратимости капиталов, сохраняя свою значимость, не могут объяснить всего. Необходимо также принимать во внимание «системные эффекты», позволяющие прояснить некоторые парадоксы, например подобные выявленным Чарльзом Андерсоном, Роджером Жиро или Кристофером Йенксом в связи со школьной успеваемостью или интергенерационной мобильностью.

Другая тема для обсуждения: обоснованность и степень эффективности политики перераспределения благ. Некоторые авторы также считают, что юридическое равенство подразумевает соблюдение общечеловеческих прав. Утверждение особых правил, в частности направленных на дотирование самых нуждающихся, противоречит этой фундаментальной аксиоме. Разве справедливо отнимать плоды труда у самых изобретательных и самых смелых для передачи их самым бедным? При этом добавляется, что справедливость не требует раздеть Пьера ради того, чтобы одеть Поля. Она скорее касается распределения богатств в соответствии с заслугами каждого. Как говорил Аристотель, «справедливость — это равенство (...), но только для равных», а «неравенство (...) справедливо (...) для индивидов, не являющихся равными» (*La Politique*, III, 9, 1280a).

Для других (*supply-siders*¹ в Соединенных Штатах), даже если они готовы подписаться под «оригинальной позицией» Джона Ролса, обозначенной в *A Theory of Justice* (John Rawls,

¹ Находящиеся на стороне «предложения» (англ.), т. е. отстаивающие идею стимулирования производства благ как средства более полного удовлетворения «спроса». — *Примеч. науч. ред.*

1971), неравенство даже находит оправдание. Например, если более равное распределение доходов снижает мотивацию субъектов экономики, тормозит экономический рост и в конечном итоге делает ситуацию наиболее обездоленных еще менее благополучной, чем предшествующее состояние, тогда стоит отказаться от попытки уравнивания.

Размышления Карла Маркса более оригинальны: все вопросы о справедливости пасуют перед анализом систем производства. В некотором роде нищета рабочих необходима для того, чтобы процесс капиталистического накопления протекал в хороших условиях. Небезынтересно подчеркнуть, что это мнение разделяется Фридрихом фон Хайеком, для которого «факт или состояние вещей, которое человек не может изменить (как, например, распределение, которое является результатом спонтанной работы экономики), может быть хорошим или плохим, но не справедливым или несправедливым».

Таким образом представлены три серьезные концепции. Наиболее классические из них (первые две) основываются:

- или на универсалистском подходе (столкнувшись с определенным типом распределения, все индивиды независимо от своих личностных качеств и от окружения, в которое они входят, имеют тенденцию испытывать одно и то же чувство в отношении той или иной ценности);
- или на релятивистском (обстоятельства выполняют детерминирующую функцию и истина, красота или добро являются не более чем характеристиками, связанными с «культурным пристрастием»).

Какой бы ни была в них доля истины (и в самом деле, мы не можем отрицать ни вариативности норм, ни требований некоторой пропорциональности между внесенным вкладом

и вознаграждением), эти разработки порождают некоторые замечания, поскольку опираются на натуралистическое мировоззрение или с трудом совместимы с веберовской парадигмой понимания. В частности, теория Ролса вызвала критику двух типов: с одной стороны, она исходила от Роберта Нозика и анархистского течения, разоблачая нелегитимность принципа различий, который нарушает права личности и лишен философского обоснования; с другой — критические замечания делались и сторонниками коммуитаризма, такими как Майкл Сэндел (Sandel) или Аласдейр Мак-Интайр (MacIntyre) — они подчеркивали двойственность (а значит, рассогласованность) понятия субъекта — индивидуальность (*distinctness*) не является достаточным признаком нашей принадлежности к общности (*commonness*).

Третий подход, в свою очередь, пытается преодолеть вышеуказанные трудности, занимаясь «системой конкретных, единичных взаимодействий». Обращение к функционалистской теории стратификации, по крайней мере в «исправленной», «очищенной» ее версии, данной Ральфом Дарендорфом, здесь может оказаться очень полезным. Одна из работ Сэмюэля Попкина, озаглавленная *The Rational Peasant* (Samuel Popkin, 1979), хорошо иллюстрирует этот подход: правило единодушия в традиционных деревенских поселениях Юго-Восточной Азии является не просто следствием груза традиций или давления группы, но и проявлением ситуационных ограничений. Запретить здесь сбор колосьев означает обресть на смерть наиболее бедных, которые этим живут, — и отсюда важность права вето.

В заключение приведем цитату из Рене Ремона: «виды неравенства, которые принимали наши предки, поскольку считали их неизбежными, с которыми смирились, расценивая их как часть природы вещей, в восприятии наших современ-

менников стали настолько несправедливыми, что противоречат духу времени».

Социальная регуляция (*régulation sociale*). В контексте формальной логики правило¹ является операционной процедурой, позволяющей делать логические выводы. С точки зрения социологии действия правило имеет функцию институционализировать или кодифицировать некоторые практики и формы поведения, которые мы применяем в определенной ситуации, следуя своей выгоде или своим убеждениям. Оказывающие на нас влияние ограничения и обязательства не являются единичными, они образуют регулярность и указывают нам, что должно быть или что нужно делать. При этом нельзя исключить возможность расхождений между тем, что анонсировано, и тем, что реально происходит. Вследствие этого «коллективное сознание» в соответствии с серьезностью нарушений или преступлений может оценить степень ущерба, ему нанесенного, и потребовать возмездия в виде санкций или наказаний, которые могут быть как спонтанными, так и — в большинстве случаев — определенными традицией или законом, от осуждения до выговора, от стигматизации до изгнания. Формы регуляции, явившиеся итогом этого процесса, могут быть частными или общими, но всегда они бывают согласованными и могут быть обжалованы различным образом. Осознание этих правил, как отметил Жан-Даниэль Рейно (*Las Règles du jeu*; 1989), влечет за собой глубокий анализ не только механизмов контроля и видов легитимности, но также и эффектов агрегации, процессов трансакции или аккомодации.

¹ Понятие «регуляция» восходит к латинскому слову *regula* — правило. — *Примеч. науч. ред.*

Социальные движения (*mouvements sociaux*). Понятие *soziale Bewegung*¹ было введено немецким юристом и философом Лоренцом фон Штайном в третьем издании работы реформаторского толка, посвященной доктринам, мировоззрению и движениям социалистов и коммунистов во Франции от Французской революции 1789 г. до десятилетия, следовавшего за установлением Июльской монархии в 1830 г.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс рассуждали на эту тему преимущественно в терминах конфликтов и диалектического материализма, а пролетариат определяли как носителя смысла Истории (Вернер Сомбарт немного позднее, в 1898 г., в свою очередь, подчеркивал «установление нового жизненного порядка, соответствующего классовым интересам»). С начала 1950-х гг. исследователи по примеру Герберта Блумера предпочитают рассуждать о «коллективном выражении протеста и недоверия, цель которого — внушить необходимость разных по важности перемен в социополитических структурах при помощи (по большей части, но не исключительно) не институциональных средств»; при этом они отдают себе отчет в возможной субстанционализации, связанной с подобной позицией.

Устоявшиеся типологии (например, предложенные Нейлом Смелзером или Чарльзом Тилли) в качестве критерия используют степень организованности или природу преследуемых целей. Стратегический аспект отчетливо присутствует в ассоциациях или группах давления. Как пишет Алексис де Токвиль (*Démocratie*; 1835), американцы «объединяют усилия для устройства праздников и основания семинарий, постройки трактиров и возведения церквей, освещения ис-

¹ Социальное движение (нем.). — *Примеч. науч. ред.*

тины или поддержки великого примера (...); таким образом они создают школы, больницы и тюрьмы». Четко кодифицировано разделение задач: есть те, кто принимает решения, и те, кто следит за их соответствующим исполнением. Цели ясно очерчены; используемые средства определены. С этой точки зрения лобби обладают схожими характеристиками: они пользуются поддержкой какой-либо профессии, профсоюза, народных избранников для защиты своих интересов, как можно наблюдать на примере табачной промышленности или винодельческих областей. Кроме того, нормативно ориентированные движения превыше всего ценят утилитаристскую логику (требования касаются как увеличения зарплаты, так и улучшения условий труда) в отличие от подхода, называемого ценностно ориентированным, который выдвигает иные идеалы. Лидер или лидеры обладают харизмой и «субъективной уверенностью» в легитимности своей миссии (*Gesinnung*, в вебернианской трактовке — убежденность). Разделение не всегда достаточно четкое, и такое разграничение не должно быть принято буквально. В самом деле, мессианская, пророческая традиция не защищена от некоторых отклонений и способна вырождаться в тоталитаризм или фанатизм. И наоборот, защита полученных преимуществ не обязательно находится в состоянии противоречия с такими ценностями, как взаимопомощь или солидарность.

В «наиболее продвинутых в экономическом отношении обществах», добавляет Ален Турен, образуется значительное напряжение отношений между ресурсами и целями, порядком и движением. Из подобных противопоставлений сферы производства и сферы потребления, иерархических структур и креативных сил рождаются «новые социальные движения». Вместо профессии в качестве переменных появляются другие «категории», такие как возраст (студенты), пол

(феминизм), географическая локализация (возвращение в страну) или качество жизни (экология). Первостепенную роль играют принципы идентичности (*identité* — *I*), противопоставления (*opposition* — *O*) и целостности (*totalité* — *T*). Возможны различные конфигурации. Если поле *T* становится спорным, представления радикализируются и ставки в игре увеличиваются. Если, наоборот, соблюдаются правила игры, главные действующие лица могут сделать выбор в пользу *status quo*, поменять союзников или стратегии. Антиядерный протест в той форме, в которой он имел место в конце знаменитого «славного тридцатилетия» (в конце 1970-х гг.), позволяет понять эту диалектику поля и акторов. В начале ситуация была следующей: страх перед радиоактивностью, перед авариями на атомных станциях и разоблачение отрицательных последствий развития отрасли (загрязнение окружающей среды). В дальнейшем — противостояние государству как автору программы, затем «слияние» с другими группами и ассоциациями, выступающими против монополий (консюмеризм), административной централизации (регионализм) или ограничений свободы слова (свободные радиостанции). Мобилизация и организаторская способность являются основополагающими характеристиками при рассмотрении социальных движений. Это подтверждается во многих работах, в частности, на французском языке это работы Пьера Бирнбаума или Франсуа Шазеля, которые анализируют верования, идеологию и мировоззрение.

Социальные изменения (*changement social*). На эту проблему можно посмотреть под различными углами зрения. Некоторые авторы ссылаются на внутренние или внешние факторы; другие, задаваясь вопросом о формах или процессах, делают акцент на конфликтах или эффекте агрегации и подчеркивают цикличность или многолинейность, преры-

вистость или непрерывность... Какой бы ни была точка зрения, наибольшую важность играет констатация следующего факта: перед нами долговременный феномен, а не простое конъюнктурное отклонение, преходящее и ограниченное. Упомянутые изменения обычно проявляются в модификациях большого масштаба, где на карту поставлена судьба сообщества, а не только положение каждого отдельного индивида.

Если оставить в стороне метафизические размышления на эту тему (скажем, Жак-Бенина Боссюэ или Фридриха Гегеля, которые видели здесь длань Господню или проявление Абсолютного Духа), нужно сказать, что формирование этого понятия долгое время находилось под влиянием позитивизма и его разновидностей (сциентизма и эволюционизма). В XIX в. (на всем его протяжении) это породило работы, основанные на историцизме (Карл Маркс), конструктивизме (Огюст Конт) или детерминизме (Эмиль Дюркгейм). Позднее работы социологов, близких к функционалистской традиции, демонстрируют те же устремления, определяя общество как равновесную структуру, в которой каждый элемент способствует поддержанию ее целостности.

В центре исследовательских интересов — поиск «законов», которые бы направляли или обуславливали изменения. Например, «закон трех стадий» является для Конта в его «Рассуждении о позитивном духе» (Comte, 1844) настоящей путеводной нитью в эволюции человечества. По завершении «теологической» фазы люди вступают в «метафизическую», прежде чем достичь «позитивной» эры. Ту же идею направленности мы наблюдаем и в работах Дюркгейма, когда он утверждает, что все большее усложнение разделения труда позволяет перейти от общества с механической солидарностью к обществу с органической солидарностью.

В случае Маркса — еще одна иллюстрация — мы видим, что если и существует последовательность способов производства, отмеченная прогрессом (азиатский, античный, феодальный, капиталистический), то здесь объяснением будет классовая борьба.

Современные подходы (значительной частью), даже провозгласив отход от многих из этих положений, тем не менее не отказываются от стремления найти некоторый *primum mobile*¹, связанный с демографией (Дэвид Рисмэн, Эстер Бозеруп), техническим прогрессом (Льюис Мамфорд, Дэниэл Белл), системой ценностей и идеологией (Луи Альтюссер, Клиффорд Гирц).

Какой урок можно извлечь из этих предварительных указаний? Сразу заметим, что всякая общая теория, претендующая на выведение из нескольких утверждений, воспринимаемых как «очевидные», неких универсальных законов, несет в себе больше недостатков, чем преимуществ. Под вопросом оказывается не столько научный характер социологии или ее способность выявить некоторые закономерности, а скорее ее стремление к поиску законов, годных для всего человечества, по формуле «если А, то В». В таком случае, возникает опасность или изобрести концепты без определенного содержания, или противоречить имеющимся фактам. Довольно большое количество исследователей, невнимательно относившихся к многообразию реального мира, поверили в существование некоего философского камня, который якобы сможет объяснить все или, во всяком случае, «главное». Но эта точка зрения обрекает на искусственное изменение некоторых феноменов, чтобы силой привести их

¹ Движущее начало (лат.). — Примеч. науч. ред.

в соответствии с принятой интерпретацией. Так, можно утверждать, что индустриализация в обязательном порядке влечет за собой нуклеаризацию института семьи; модернизация влечет обесценивание религии, а насилие и «экстремизм» зависят от степени накала недовольства. Опровергнутый данными опыта или сведенный на нет дальнейшим развитием, подобный подход представляется весьма проблематичным. И разве другие подходы, более тесно связанные с контекстом, не имеют права на существование?

Заметим при этом, что некоторые «законы» (например, «индивидуализация вызывает развитие») одновременно неверны (можно привести много опровергающих их фактов), неточны (что именно понимается под понятием «индивидуализации»?) и при этом не лишены интереса в эвристическом плане, поскольку они дают предварительную ориентировку и предварительное приближение. Вслед за Робертом Мертоном в них нужно видеть не апогей знания, а скорее отправной или переходный момент.

В данном контексте главная цель социальных наук — не установление номотетических отношений, а создание теорий среднего уровня (*middle-range theories*), сообразуясь не с «субстанциональными», а с «формальными» взглядами. Формы авторитета, выделенные Максом Вебером, будь то харизматический, традиционный или бюрократический, не встречаются в чистом виде. Это лишь «идеальные типы», позволяющие лучше понять реальность. То же происходит и со знаменитым различием общины (*Gemeinschaft*) и общества (*Gesellschaft*), введенным Фердинандом Тённисом. Отсюда же происходит парадокс коллективного действия. Если каждый индивид пытается получить наибольшую выгоду, наиболее часто выбираемой стратегией может стать стратегия ухода или избавления от обязательств. Но в дру-

гих обстоятельствах не нужно недооценивать протест, лояльность или апатию.

Социологические теории, по сути, являются лишь основанием для анализа, полезными и необходимыми «скелетами», которые приведут к более точным исследованиям. Подобное понимание предполагает, что мы не смешиваем эмпирические данные и способы интеллектуального конструирования. Такова цена точности и правдоподобия.

Социальные классы (*classes sociales*). Понятие социальных классов происходит от латинского *classis*, которое обозначало категории граждан, различаемые по уровню доходов или состоянию. Об этом понятии (в одном из выпусков *Que sais-je*, посвященном этой теме) Филипп Бенетон говорил как о «двусмысленном», значение которого является «плавающим», а определение представляет собой «источник противоречий».

Возможно, нелишне отметить, что этот термин не является изобретением марксистов. От физиократов (главой которых выступал Франсуа Кене) до основателей политической экономии (Адам Смит и Дэвид Рикардо), от либеральных французских историков (Августин Тьерри, Франсуа Гизо) до утопических социалистов (Этьен Кабе, Роберт Оуэн или Вильгельм Вейтлинг) — список использовавших это слово очень велик, правда, придаваемые ему значения были различными и чаще всего расплывчатыми или неточными. Автор «Манифеста коммунистической партии»¹ в своем знаменитом письме Йозефу Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. признает, что он многим обязан большинству перечислен-

¹ Имеется в виду К. Маркс, хотя вклад его соавтора Ф. Энгельса в написание «Манифеста» гораздо больше. — *Примеч. науч. ред.*

ных авторов, но при этом развивает оригинальную концепцию, основанную на теории диалектического материализма, значении труда и способах производства, рассмотренных через призму отношений эксплуатации и господства. Рассматриваем ли мы патрициев и плебеев, баронов и слуг, цеховых мастеров и подмастерьев, буржуа и пролетариев, — в любом случае борьба и антагонизм между «угнетателями» и «угнетенными» составляют основу социальных отношений, двигатель истории, своего рода движущее начало, соответствующее структуре «игры с нулевой суммой» (обеднение масс означает обогащение небольшого числа привилегированных).

В то время как для Карла Маркса более значимой представляется логика противостояния, другие авторы вслед за Алексисом де Токвилем, напротив, говорят о стремительном движении в сторону «равенства условий» приводя в пример американский опыт. Со своей стороны, Макс Вебер, следуя «номиналистской», а не «реалистской» точке зрения, критикует главенствующее значение экономической инфраструктуры, как оно представлено в «Восемнадцатом Брюмера» и «Капитале», вводя две другие важные компоненты: политическую власть и статусные группы. В свою очередь, Вильфредо Парето и Гаэтано Моска, а также их ученики (те, которых иногда зовут неомаккиавеллистами) предпочитают акцентировать внимание на проблематике циркуляции элит, дихотомии «правящие/управляемые» и «железном законе олигархии».

К какому бы направлению ни принадлежали современные теории стратификации (функционализм, структурализм, интеракционизм), они делают акцент на совокупности характеристик, связанных с профессиональным положением:

сектор деятельности, уровень доходов, тип квалификации... В чести три элемента (они описаны Раймоном Ароном в книге *Leçons*): сходство образов жизни, работы и мышления; постоянство во времени, т. е. открытость или закрытость, фактическая, а не юридическая; ощущение принадлежности (к группе) и солидарности.

Социальные представления (*représentation sociales*). Социальные представления как объект исследования и один из способов познания могут рассматриваться как реальность *sui generis*¹, выражающая влияние и трансцендентный характер коллективного сознания, как инструмент категоризации личностей и их поведения, как переходная инстанция между идеологией и практиками или как особая форма символического мышления, имеющая собственные правила, по которым она строится и распространяется. Какой бы ни была принятая точка зрения, такого рода «продукты», идет ли речь об информации или о мнениях, могут быть охарактеризованы с точки зрения содержания; они принадлежат индивиду или группам и располагаются на границе объекта и субъекта, образа и значения, давая возможность создавать модели анализа, которые способствуют лучшему пониманию процессов формирования обыденного знания при помощи некоторого количества операций (а именно выборочное удерживание и структурирующая схематизация). Основным здесь является познавательный аспект, как это можно понять из различных исследований, касающихся психоанализа (Серж Московичи), сумасшествия (Дениз Жоделе), интеллекта (Габриэль Мюни) или знаний (Клэр Беллизе и Бернар Шиле).

¹ Особого рода (лат.). — Примеч. науч. ред.

Социальный факт (*fait social*). В качестве социального факта можно рассматривать «всякий способ действия, фиксированный или нет, который может оказывать на нас внешнее принуждение» (Durkheim, 1895). Вот иллюстрация этому, приведенная в том же произведении: «Когда я отдаю себе отчет в своих обязанностях брата, супруга или гражданина, когда я приступаю к выполнению заключенных соглашений, я реализую обязательства, определенные вне меня и моих действий, в области права и морали. И даже если они согласуются с моими собственными чувствами и если я внутри себя ощущаю их реальность, она не перестает быть объективной, поскольку я не создал их внутри себя, но получил в процессе воспитания».

В этой концепции мы видим особенность учения Дюркгейма. Если индивид порожден обществом и не иначе, объяснение социального феномена сводится к «раздельному поиску первопричины, которая его порождает, и функций, которые он выполняет». Поскольку причинно-следственная связь состоит в «отношениях, вытекающих из природы вещей», следует отказаться от «врожденных идей» и занять по отношению к социальным фактам позицию, сходную с позицией физика по отношению к предмету его изучения.

Социологизм (*sociologisme*). Леон Бруншвиц, которому мы обязаны этим термином, понимал под социологизмом «догматическую теорию коллективного сознания», считающуюся способной объяснить основные философские и моральные проблемы, так же как и основные факты истории религии. Это понятие применялось некоторыми представителями методологического индивидуализма или релятивистского интеракционизма к дюркгеймианцам и — шире — к тем, кто поддерживал наиболее радикальные положения холизма и принимал, таким образом, концепцию, которую можно на-

звать «тоталитарным реализмом» (выражение Жана Пиаже). В дальнейшем понятие приобрело крайне пренебрежительный оттенок.

Социологические парадигмы (*paradigmes sociologiques*). Слово «парадигма» имеет множество значений. Обычно оно употребляется в значении грамматическом и отсылает нас к «модели склонения или спряжения», согласно которой можно охарактеризовать серию феноменов, как писал Фердинанд де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» (Saussure, 1916). Определения парадигмы в социологии подводят под это понятие, например, концепции демократии (Алексис де Токвиль), классовой борьбы (Карл Маркс), рождения капитализма (Макс Вебер), и если говорить о недавнем времени, нуклеаризации института семьи (Толкотт Парсонс), преждевременной социализации (Роберт Мертон) или с относительной фрустрации (Самюэль Стауффер). Среди других употребляемых значений — «дисциплинарная матрица», «познавательный полюс», «основной миф», или, более прозаично, «школа (или направление) мысли».

Для внимательного рассмотрения основных направлений дискуссии об интеграции и конфликтах, номинализме и холизме необходимо провести классификацию. В самом деле, изучение социальных феноменов поднимает множество вопросов. Можно ли перенести в эту область методы, доказавшие свою валидность в других областях знания? Является ли сама идея научного знания применимой к среде, в которой человек занимает в первую очередь место субъекта действия? С момента, когда целенаправленность начинает играть роль, существует возможность ссылки на стратегию и мотивацию. Можно ли рассматривать эти составляющие подобно свойствам физических объектов, можно ли их «объективировать»? Но, возможно, мы находимся перед реаль-

ностью такого порядка, которая ускользает от попыток объективации?

Мы располагаем двумя точками зрения: одна развивается в русле аналитического познания (гипотетико-дедуктивные рассуждения), другая вращается вокруг более специфически диалектического полюса (обращение к интерпретации). У каждой из приведенных позиций возникают свои трудности. Если мы ограничим наше изучение формальными аналогиями между материальными системами и социальной реальностью, мы рискуем отбросить как непознаваемое все, что принадлежит к сфере ценностей и целей. С другой стороны, расшифровка и актуализация смысла остается прикованной к единственной перспективе, которая, обращаясь к субъективности каждого участника процесса, неизбежно вызывает упреки в психологизме. Как в таких условиях можно найти возможность для согласия, которое, не будучи просто удачным совпадением фактов, основано на эффективной работе с общими, разделяемыми принципами?

Здесь нужно сделать два замечания.

- если причинно-следственные отношения слишком запутаны, чтобы абстрагироваться от первой составляющей и привести вторую к абсолюту, то, в свою очередь, правила, оперирующие разными типами высказываний, никогда не являются однозначными; они каждый раз определяются заново в зависимости от момента или от проблематики;
- с этой точки зрения объяснение и понимание не являются взаимоисключающими, а скорее представляют собой моменты, относящиеся к одному и тому же сложному процессу: интерпретации (*Auslegung*, в терминологии Вильгельма Дильтея). Во многих работах Поль Рикер показывает, что такая дискуссия далеко выходит за упо-

мянутые эпистемологические рамки, открываясь собственно онтологическому рассмотрению, которое может дать нам сведения об обменах между структурой и событием. Эта постоянная конверсия «правил» и «новаций» порождает игру в терминах принадлежности/дистанцирование и позволяет лучше овладеть феноменами многозначности.

Раймон Арон (*Introduction a la philosophie de l'histoire*; 1938) выделяет три проблемы:

- прежде всего это проблема фактологическая: «Каким образом понимание и приписывание дополняют друг друга и комбинируются?»;
- затем проблема логическая: «Необходима ли причинно-следственная проверка отношения, выявленного при помощи метода понимания?»;
- и наконец, философская проблема: должно ли всякое изменение считаться «продуктом функциональной необходимости?»

Ответы на эти вопросы меняются в зависимости от рассматриваемой социологической традиции. В то время как дюркгеймианская формула «социальное должно объясняться социальным» выдвигает на первый план поиск законов или инвариантов (гомогамия¹, воспроизводство элит, влияние габитуса, важность тенденций, порождающих самоубийства), «отнесение к ценностям», пропагандируемое веберовской школой, в свою очередь, ориентируется на «жизнь значений». С одной стороны, разработка теории «полей» и углуб-

¹ Имеется в виду практика заключения браков внутри некоторой общности (племени, этноса, класса и т. п.) в противоположность практике смешанных браков — экзогамия. — *Примеч. науч. ред.*

ление логики конвертируемости капиталов, с другой — принятие принципа институционального индивидуализма и обращение к понятию ограниченной рациональности.

Перед нами — две разные версии, соответствующие четко определенным национальным традициям. И тем не менее не стоит пытаться неосмотрительно использовать иерархию этих подходов в какой бы то ни было области. В подтверждение можно привести цитату из книги Алексиса де Токвиля «Старый режим и революция» (*L'Ancien Régime et la Révolution*): «Я жил во времена ученых, которые писали историю, не принимая участия в деятельности, и политиков, которые порождали события, не задумываясь об их отражении. Я всегда замечал, что первые во всем видели общие причины, в то время как вторые, живя в центре событий и видя каждодневные события изнутри, охотно думали, что всему виной отдельные происшествия и что маленькие шестеренки, которыми они играли, были теми, что приводят мир в движение. Как бы не оказалось, что заблуждаются и те и другие». В плане познания выбор того или иного варианта никогда не может быть окончательным, и это способствует более высокой оценке социологии, открытой сомнению, неожиданным результатам, творческим способностям человека, «этого неразумного животного, которое обожает рассуждать о своей неразумности». В этом отношении важно признать, что с момента обустройства пространства для размышлений между различными направлениями мы получаем «набор высказываний», намного более совершенный, посредством которого противопоставления и сходство, напряженные отношения и отношения взаимодополняющие продвигают исследование вперед.

Статус (*statut*). Совокупность прав и обязанностей, которые характеризуют позицию субъекта по отношению к дру-

гим (будь то горизонтальные или вертикальные отношения, иерархические или равные, связанные с интересами, престижем или честью), — это статус, присвоение которого, как подчеркнул Ральф Линтон в книге *The Study of Man* (Linton, 1936), зависит от «естественных» и «объективных» критериев, таких как: возраст или пол, происхождение или этническая принадлежность (приписываемый (*ascribed*) статус — характеристика традиционного или доиндустриального общества, например «сословие»), или, наоборот, приложенные усилия, амбиции и талант (здесь можно ссылаться на более современные ценности, такие как «потребность в самовыражении» или достижении (*achievement*)). В зависимости от доступных ресурсов и наложенных ограничений завязывающиеся контакты или обмены определяют идентичность и соответствуют специфическим ролям, которые в зависимости от момента или личности могут в той или иной мере изменяться в соответствии с «процессом автономизации и объективации», по терминологии Георга Зиммеля.

Социология стратификации и организаций, опирающаяся на анализ корреляций, привлекает внимание, в частности в рамках веберовского подхода, к феноменам несовпадения власти и компетенции, уровня образования и профессии, экономического и культурного капитала, места, занимаемого в структуре организации, и степени реального влияния внутри организации. Такое «расхождение» является источником напряжения или конфликтов, может служить синонимом аномии, фрустрации или неуверенности в своем положении и иметь в последствии девиантные формы поведения или, наоборот, в случае нисходящей мобильности — гиперконформное поведение.

Стратификация (*stratification*). Стратификация появляется на уровне группы, института или общества вместе с возникновением дифференциации, иерархизации, оценки и вознаграждения принятой позиции или функции в соответствии с особыми критериями, опирающимися, например, на мораль, религию или другие системы ценностей. Наблюдаемые расхождения могут принимать самые разные формы и связаны также с возрастом, полом, этнической принадлежностью или структурой родственных связей, и особенно с властью, престижем, профессией или доходом, уровнем образования или образом жизни.

Проблема неравенства (см. статью «Социальное неравенство») находится в центре этой дискуссии и прежде всего может быть рассмотрена с марксистской позиции. В этом случае на первый план выступают в связи с историческим материализмом, ценностью труда и частной собственностью на средства производства классовые антагонизмы, механизмы извлечения прибавочной стоимости, отношения господства и эксплуатации. Говоря об основной критике, адресованной данному аналитическому подходу, нужно упомянуть о редукционистском характере некоторых предположений холистского толка, а также о риске овеществления, или гипостазирования¹, связанном с принятием такого подхода. Второй возможный подход — функционалистский, развившийся во второй половине 1940-х гг. в исследованиях Кингсли Дэвиса и Уилберта Мура, привлекает наше внимание к разнообразию оценок, суждений о способностях и компетенции, поскольку и вклад, и вознаграждение находятся в тесной зависимости от оставивших свой отпечаток

представлений или культурных моделей, в которых в зависимости от страны или эпохи высоко ценятся либо унаследованные, полученные в дар капиталы, либо достигнутое своим трудом, личные заслуги. Этот подход не лишен интереса и дал повод к оживленной дискуссии. Для Ги Роше (*Parsons et la sociologie américaine*; Rocher, 1972) это «не настоящая теория, способная объяснить совокупность форм поведения», а только «нагромождение категорий, сваленных одна на другую».

Другие авторы критикуют и формализм и даже доходят до опровержения «легитимации установленного порядка». Кроме того, как отмечал еще Эмиль Дюркгейм (Durkheim, 1895), «показать, для каких целей может служить данный факт, — еще не значит понять, как он родился и каким образом существует». Наконец, стратификация может рассматриваться вслед за Ральфом Дарендорфом в терминах спроса и предложения, которые зависят от сложных институциональных переменных, например, касающихся структурирования профессиональных отношений или организации производственной сферы.

Не только экономические отношения, но и все, что связано со статусом и политикой (на этом во многих своих работах настаивал Макс Вебер), нельзя обходить стороной, поскольку как сочетания этих факторов, так и их относительная автономия может породить разного рода напряжения, смещения, ощущение фрустрации и феномен несоответствия.

Структурация: теория структурации (*structuration, théorie de la*). Эта теория предлагает изучить «условия, от которых зависит продолжение существования или трансформация структур, и, как следствие, воспроизводство социальных

¹ Имеется в виду опасность принимать теоретические модели за реально существующие процессы. — *Примеч. науч. ред.*

систем». По мнению Энтони Гидденса, одного из авторов, внесших наибольший вклад в развитие такого рода анализа в 1980-х гг., некоторые апории могут быть разрешены при условии лучшей формулировки с помощью соответствующих модальностей: значения и коммуникации, господства и власти, легитимации и санкции. Каждому уровню соответствует свой родовый термин: кодификация, ресурс, регуляция.

Герменевтика, функционализм и структурализм интерпретируются в данном контексте в зависимости от компетенции социальных агентов¹ и непреднамеренных последствий их действий, а обращение к «географии пространства-времени» объединяет, а не только сопоставляет жизненный цикл, стратегии акторов и социокультурный контекст.

Таким образом, речь не идет о беспрекословном утверждении внутренне присущего тому или иному сценарию превосходства, но об изучении альтернативных комбинируемых возможностей познаваемого в «духе ироничной сдержанности», милой сердцу барона де ла Брэда, поскольку используемые модели оставляют возможность дальнейшего пересмотра.

Темное число (*chiffre noir*). «Темное число», по-английски *dark number*², отражает проблему соотношения статистиче-

¹ Индивид как субъект действия, воспроизводящий посредством действия структуры, которые служат условиями — средствами (ресурсы) и ограничениями (правила) его дальнейших действий. Структурация в теории Э. Гидденса — это процесс воспроизводства общества, характеризуемый попеременным взаимообуславливанием субъективного действия и объективных структур. — *Примеч. науч. ред.*

² Английское слово *dark* буквально переводится как «темный», в зависимости от контекста может означать также «скрытый», «неясный». — *Примеч. науч. ред.*

ских данных и социальной реальности. От того, насколько тесной является такая связь, зависит легитимность предложенных интерпретаций.

В качестве примера рассмотрим статистику жестокого обращения с детьми. В качестве точки отсчета примем утверждение Чарльза Кемпе, согласно которому «точное количество детей, ставших жертвами жестокого обращения, наверно, никогда не будет известно». Полученные цифры на самом деле зависят от следующих факторов:

- **принятые дефиниции**, слишком строгие или экстенсивные: нужно ли ограничиваться только проявлениями физической жестокости? Не следует ли включить сюда же отсутствие надзора (недостаток заботы, серьезные упущения в уходе), психологическое насилие (преследование, садизм, завышенные, необдуманные требования), сексуальные злоупотребления (насилие, инцест, педофилия, проституция)?;
- **социальная видимость**: восприятие этого явления неодинаково. Некоторые, по незнанию или из-за психологического отторжения, отказываются даже представить себе возможность настолько бесчеловечного поведения вплоть до отрицания его существования;
- **степень готовности сообщить о факте**: в Уголовном кодексе существует статья (статья 62 Уголовного кодекса Франции), обязывающая каждого гражданина, который узнал о подобных действиях, сообщать о нем административной или судебной власти, причем несоблюдение этого указания является правонарушением (согласно статье 378). В таких случаях предусматривается отмена правил, относящихся к «профессиональной тайне» врачей, акушеров или социальных работников. Но при всем этом обращение к соответствующим органам далеко не стало

правилом, по причине незнания, отсутствия информации об органах социальной защиты, в которые можно обратиться, или недоверия к этим структурам (боязнь навредить или навлечь наказание), страх выглядеть «доносчиком»;

- **юридические следствия:** случаи смерти, последовавшей от травм, диагностируются согласно природе повреждений, без уточнения этиологии или с пометкой «причина неизвестна», «возможно, несчастный случай». Если врач больницы отказывается выдать разрешение на захоронение и передает тело в руки правосудия, результаты не сильно отличаются. Юристы плохо знакомы с этой проблемой. Если нет явных признаков преступления, они почти не занимаются обстоятельствами смерти, условиями жизни ребенка, его семейным окружением. Часто они игнорируют необходимость сделать рентгенограмму, которая могла бы выявить синдром Сильвермана (субдуральные гематомы). Когда дело переходит в руки прокуратуры, колебания продолжаются, и этому способствует упорство родителей и окружения, отрицающих факт преступления, и даже если расследование завершается выводом, что смерть последовала в результате жестокого обращения, оно крайне редко ведет к обвинению.

Те же проблемы возникают и при оценке уровня преступности. Преступность представляет собой очевидный социальный феномен, но ее изучение сопровождается множеством трудностей. В первую очередь нужно задаться вопросом об оценке измерительного инструмента. Хотя судебная статистика восходит (во Франции) к 1827 г., статистика полиции и судебной администрации несколько моложе. При этом и та и другая страдают от отсутствия единого метода, поскольку целью обычно является только отражение дея-

тельности соответствующих служб. Сочетание различных источников могло бы позволить, во всяком случае теоретически, составить достаточно точное представление о размерах явления при условии объединения данных. Но такой подход практически неприменим на практике: категории, используемые при классификации, для каждой службы имеют свое значение. Кроме того, разница в цифрах, характеризующих разные годы, не обязательно отражает заметное изменение уровня преступности. Нельзя сказать, что если в 1997 г. было заведено больше дел, закончившихся судебным приговором, чем в 1996 г., то это означает заметное повышение уровня преступности. Рост числа приговоров может объясняться возросшей эффективностью служб, ответственных за борьбу с преступностью. Не будем, кроме того, забывать, что если количество правонарушений, связанных с насилием, растет в арифметической прогрессии, то страх и тревога возрастают в геометрической зависимости, поскольку усиление эффекта воздействия СМИ довольно значительно.

Таким образом, можно задаться вопросом, не имеет ли то, что мы не знаем о преступности, такую же важность, как то, что мы можем о ней узнать. «Темное число» преступлений, т. е. расхождение между реальной и зарегистрированной преступностью, не может замалчиваться. Если рассмотреть, например, область действия полиции нравов, то мы увидим, что лишь малый процент сексуальной агрессии пресекается при помощи соответствующих органов. Целомудрие, боязнь скандала или проблем (мести, наказания, репрессий) приводят многие жертвы к решению не сообщать о преступных действиях, объектом которых они были. Та же картина с нарушениями банковских правил: официальная статистика дает только приблизительное представление о количестве чеков, выписанных без достаточного кредита на счете. Что же касается горе-шоферов, против которых не

смогли возбудить дело о неумышленном убийстве или увечье, то нужно отметить, что обычно их количество сильно занижено.

Уже давно утверждалось, что существует более или менее устойчивое соотношение между количеством преступлений, дела по которым переданы в суд, и общим количеством совершенных правонарушений. Но здесь речь идет только о рабочей гипотезе, весьма спорной, а «темное число» зависит от множества сложных факторов (демографических и законодательных изменений, организационных ограничений, возможностей фильтрации).

Оправдывает ли подобное несовершенство прекращение всякой попытки количественного выражения данных фактов? С этим можно было бы согласиться, если бы не существующие в этой области разработки. Изучение преступности по **автопортретам** прежде всего подчеркивает отсутствие какой бы то ни было эквивалентности между «не-преступником» и «невиновным». Исследования **виктимизации**¹, в свою очередь, позволяют лучше понять причины, по которым часть потерпевших не сочли нужным обратиться в органы правопорядка. Хотя достоверность этих данных представляется спорной, необходимость подобных исследований сомнений не вызывает, поскольку, как отметили Клод Фожерон или Филипп Робер, они вносят ясность в соотношение между «скрытыми преступниками» и «официальными преступниками». Эти исследования позволили выделить основные направления анализа, такие как совершенствование методов анализа, лучшая координация соответствующих институтов, разработка методов оценки.

¹ Виктимизация (от англ. *victim* — жертва) — феномен предрасположенности или повышенного риска стать жертвой преступления. — Примеч. науч. ред.

Техника и технизация общества (*techniques, rapport aux — et technicisation de la société*). Техника, по определению Андре Зигфрида, — это «совокупность процедур, основанных на разуме, но проверенных на практике и ставших коллективной собственностью цивилизации, при помощи которых конкретное средство используется для достижения цели». Термин произошел от греческого *tekhnē* и прежде всего является синонимом мастерства, обозначая особое традиционное умение, основанное на более или менее кодифицированном опыте, передаваемом из поколения в поколение. Владение данным умением позволяет человеку преодолеть нехватку ресурсов и освободиться от власти среды, но оно также может стать источником отчуждения и вылиться в нанесение вреда окружающей среде (экологии). Мы видим, как понемногу образуется новая реальность, которую уже нельзя назвать ни естественной (природной), ни целиком человеческой, — это «третий мир», о котором говорил Карл Поппер, торжество разума (*logos*), составленный из взаимосвязей сложных теорий и хитрых приспособлений. Рост этого разума кажется по большей части независимым (от нас) настолько, что порой это вызывает сильную тревогу. Некоторые говорят о «всевласти» военно-промышленного комплекса, другие — в связи с тейлоризмом — об отчуждении и дегуманизации. Основная часть дискуссий связана с образованием и трудом, с изменениями и организациями, с идеологиями и с системами представлений.

Чтобы описать все ставки в этой игре, Андре Леруа-Гуран, Бернар Жиль и Давид Нобль привлекают внимание к сосуществованию двух логических принципов: экономического и социокультурного. Процесс инновации происходит обычно в следующем порядке: выработка совокупности гипотез, эксперимент, переход к производству и, наконец, за-

вершение продукта, до той поры неизвестного. Путь от разработки до реализации достаточно долог, и на каждом его этапе могут вмешаться различные факторы и заблокировать или ускорить распространение «прогресса».

В этом отношении нельзя сказать, что какая-либо теория принимается по той причине, что она истинна, если под истинностью понимать соответствие эмпирическим данным, которое, заметим, никогда не бывает совершенным. Лишь некоторые особые области становятся объектом надлежащего изучения. В таких условиях возможность принятия новой парадигмы зависит не только от рациональных критериев. Галилеева революция не исключение. Если она и была принята, то отнюдь не по причине того, что дала замечательные результаты. Аристотелево объяснение мира тоже было достаточно логичным. Если Галилея в конце концов ждал триумф, то лишь ввиду его ловкости и искусной тактики, поскольку создание трудов на итальянском, а не на латыни позволило ему завоевать более широкую и разнообразную аудиторию, но особенно потому, что ему симпатизировали те, кто противостоял ортодоксам.

Как мы видим, новые идеи провозглашаются отнюдь не в социальном вакууме. Они разрушают систему извлечения выгоды, свойственную ситуации, и имеют целью продвижение иных, новых ценностей, но не без конфликтов и столкновений. Анри Мандрас в своей работе *Sociétés paysannes* (Mendras, 1976) отмечал «сопротивление изменениям», связанное с введением гибридного сорта кукурузы в одной из областей в Пиренеях. Хотя выращивание этого злака — по происхождению американского — обещало стать высокодоходным, оно поставило под вопрос сами устои общинной организации. Традиционные культуры являлись неотъемлемой частью структурированной системы, основанной на внут-

реннем потреблении. Посевы служили для откармливания птицы и не требовали внесения удобрений. Они были интегрированы в поликультуру, основной целью которой было удовлетворение потребностей коллектива, не склонного открываться внешнему миру. Гибридный маис разрушил древнее равновесие, ибо поставил под угрозу уже завоеванные позиции и одновременно способствовал распространению монетарной экономики и аграрному развитию по капиталистическому типу. И тогда понятен становится «выбор» крестьянина: отказаться от инновации — значит, сохранить свою идентичность.

Жильбер Симондон напоминает нам, что и сами французы еще не примирились с техникой. Разумеется, они принимают важность изобретений, охотно верят в науку, но опасаются некоторых возможностей и последствий ее применения. Это сдержанное отношение, почти недоверие, разделяют, правда, не все. Для Жана Фурастье общий эффект от вторжения машин скорее положителен. В подтверждение этого он приводит пример одной деревни, Дуэль-ан-Керси, исследования в которой проводились с интервалом в 30 лет. В 1946 г. в этом сельскохозяйственном районе продолжительность жизни не превышала шестидесяти лет, а школьное образование охватывало лишь ограниченное число жителей. Большинство получали доход от работы на земле, причем невысокий: 70% семейного бюджета уходило на еду. Нужно ли добавлять, что как иностранное, так и новое внушало недоверие и царил автаркия¹? В 1975 г. городок преобразился до неузнаваемости: резко возросла покупательная

¹ Автаркия (от греч. *autarkeia* — самоудовлетворение) — экономическая замкнутость, ведение хозяйства без обмена с окружающим миром. — *Примеч. науч. ред.*

способность, в домах имеются все удобства, жители постоянно ездят в отпуска, большинство заняты в сфере обслуживания, уровень образования стал гораздо выше.

Разве можно при таких условиях сохранять враждебность по отношению к распространению инноваций? По мнению Фурастье, отрицание преимуществ прогресса происходит от невозможности произвести настоящий исторический экскурс. При анализе длительного периода результаты оказываются крайне благоприятными. Движение вперед, помимо всего прочего, не ограничивается имущественными выгодами. Оно идет дальше и позволяет перейти от «вегетативной стадии» к «стадии спекулятивной»: разве не лучше бороться с болезнью, пытаясь узнать ее причины, чем отдать себя на волю некоего провидения и смиренно принимать эпидемии и другие напасти? Настоящее слепо, и интеллигенция, отрицающая положительные последствия механизации, недобросовестна и забывает упомянуть о том, что прирост производства влечет за собой рост доходов и модернизацию оборудования, ибо вход в общество потребления сопровождается демократизацией продукта. Разумеется, эта апология современности не должна нам позволить потерять из виду некоторые функциональные проблемы. Современная цивилизация подвержена многим рискам, поскольку «если экономические итоги очень благоприятны, то итоги, подводимые моралистами и социологами, далеки от этого».

Нейтральная позиция также имеет своих приверженцев. По их мнению, все, что связано с техникой, относится к сфере средств и может, следовательно, служить любой цели. Возьмем, например, ядерную энергию. Она может быть поставлена на службу мирным целям, или же, наоборот, может быть подчинена целям военным. Можно вообразить любое

развитие событий, от улучшения условий жизни человека до разрушения планеты. Данный подход защищался с разных позиций.

Карл Маркс в «Капитале» пишет о негативном влиянии автоматизации на положение рабочих. Крупное производство сопровождается стремлением к увеличению прибавочной стоимости: ритмы убыстряются, зарплаты стоят на месте, удлиняется рабочий день. Разумеется, механизация сама по себе не является причиной этих проблем, причина — в капиталистической системе, синониме «эксплуатации человека человеком». При социалистическом способе производства машина вновь становится «хорошей» и способствует освобождению «трудящихся классов».

Джордж Фридман также приглашает нас к размышлениям над «отсутствием равновесия», растущим разрывом между могуществом, которое дарит человеку технический прогресс, и слабостью наших моральных сил. Этот разрыв порождает увеличение количества обратных эффектов и ведет к отсутствию чувства меры. «Протезы», которыми мы обладаем, должны бы были нас умиротворить. Но на деле они служат источником нового отчуждения, еще более опасного, чем первоначальное. Можно ли ускользнуть от такого влияния? Можно ли научиться управлять собственными творениями? По Фридману, превосходства над самим собой можно достичь только при помощи образования и воспитания. Таким образом, речь идет о движении в сторону «истинной культуры», что предполагает «глубокую трансформацию систем образования».

Джордж Гурвич (Gurvitch, 1950) движется в том же направлении и отмечает, что «технология возобладала над социальными структурами» и эта ситуация возникла впервые за историю человечества. Технократы, чей авторитет зиж-

дется на знаниях, имеют свои сети, безраздельно владеют правом принимать решения и рискуют пожертвовать человеком во благо машине, жизненными интересами — во благо аппарату. Центральной фигурой, как продемонстрировали Джеймс Барнхам, Дэниэл Белл или Джон Кеннет Гэлбрейт, становится эксперт, который внушает нам «объективные ограничения», сужающие возможность выбора. Михаил Бакунин в работе «Государственность и анархизм» (1873) уже указал на опасность, которую представляет эта «аристократия-ума»: «По нашему мнению, из всех аристократий, которые по очереди, а иногда и все разом, угнетали человеческое общество, эта так называемая “аристократия ума” является самой однозной, самой презирающей, самой бесчестной и самой угнетающей. Родовая аристократия говорит нам: “Вы очень галантны, но по рождению вы не знатный человек!” Это оскорбление можно перенести. Аристократия капитала признает за нами все возможные заслуги, но, добавляет она, “у вас нет ни рубля!” Это тоже можно стерпеть. Но аристократия ума говорит: “Вы ничего не знаете, вы ничего не понимаете, вы осел, а я, умный человек, должен вас оседлать и вести!” Вот это уже нестерпимо!» Если захват такого рода усилится, предупреждает Жак Эллиуль, мы придем к некоей форме тирании, близкой к той, что была описана Олдосом Хаксли в «Лучшем из миров»¹. Для Гурвича решение проблемы заключается в углублении экономической демократии, т. е. в приобщении рабочих к принятию решений. Вывод Андре Зигфрида: «Нужно, чтобы техника, будучи всегонавсего средством, и рассматривалась в качестве такового.

¹ Так во французском переводе называется знаменитая книга «Дивный новый мир» (*The Brave New World*). — *Примеч. науч. ред.*

Тогда действие ее будет только во благо. Она становится опасной в том случае, если вбирает в себя науку и культуру, втягивает все внутрь, особенно в век специализации, которая грозит заключить производителей в цехах без окон».

Чуть дальше продвинулись те, кто придерживается радикальных взглядов. Известно выражение Жоржа Бернано, согласно которому машины представляют собой «бесконечный заговор против всякой формы внутренней жизни». В работе «Люди против человеческого» (*Les Hommes contre l'humain*; Paris, La Colombe, 1951, p. 36) Габриэль Марсель пишет об унижении, обесценивании, имея в виду те «решительно пущенные в ход средства, которые имеют целью атаковать индивидов, принадлежащих к человеческому роду, и разрушать их уважение по отношению к самим себе, чтобы превратить их постепенно в отбросы». В свою очередь, размышления Мартина Хайдеггера относятся к сущности техники. Она не нейтральна, она открывает для нас мир с точки зрения «поставы»¹. Современные технологии подчиняют себе природу посредством использования и исследования. Постав является высшей опасностью, поскольку он воплощает забвение себя и, следовательно, забвение бытия. В соответствии с этим в других традициях (например, франкфуртской школе, особенно в начале 1970-х гг.) появляется соблазн заявить о том, что настала пора:

- остановить все, ввести «мораторий на науку»;
- реабилитировать ценности общения и эмоциональных отношений;

¹ Постав (нем. *Gestell*) — неологизм Хайдеггера, означавший превращение всего сущего в предмет деятельности человека, в состоящее в наличии (ср. «постав» и «поставка»). — *Примеч. науч. ред.*

- предоставить слово тем, кто является исключенным (из современной жизни) или чувствует себя «оторванным от своих корней»;
- ратовать за «коммуникационную утопию»;
- порвать с привычными критериями рентабельности и эффективности;
- бороться против любой формы угнетения;
- честно назвать цену, которую мы уже заплатили за модернизацию: разрушение окружающей среды, контрпродуктивность, вырождение...

Но разве нельзя представить себе развитие других отношений между человеком и окружающей средой? Если мы оставим в стороне метафизический аспект вопроса, появление более адаптированных «носителей», понимание угрозы загрязнения и внимание к более справедливому распределению богатств могли бы позволить, по мнению некоторых ученых, предсказать более благоприятное будущее. Таким образом, мы могли бы обойти так называемый «безнадежный парадокс технофобии». В статье, опубликованной во II томе «Универсальной философской энциклопедии», Бруно Латур и Лорен Бибар приводят следующую формулировку: «С техникой необходимо бороться, с одной стороны, потому, что она приводит к капитализации власти, а с другой — потому, что она принимает системный характер, парализует мир и делает невозможным всякое критическое действие».

Ввиду предыдущих анализов нам представляется, что страхи отнюдь не исчезают. Более того, реструктуризация производственного аппарата поднимает многочисленные вопросы. Не приведет ли распространение микропроцессоров к децентрализации деятельности? Не находится ли идентич-

ность рабочих под угрозой? Образуют ли чернорабочие, техники и программисты однородное единство? Машина сегодня стала более автономной, специализированной. Для значительного числа специалистов автоматизация — это *down grading*¹. Возникающая при этом картина — это «человек при кнопке». Другие свидетельства, столь же авторитетные, наоборот, подчеркивают, что при этом операторы будут иметь более высокий уровень образования и больше возможностей для инициативы. Предоставляемый им шанс открывает новые перспективы. Таким образом, можно видеть, что сегодня существуют множество точек зрения. Это разнообразие обусловлено прежде всего руслом анализа. В зависимости от вида деятельности дальнейшее существование традиционных умений зависит от вида инноваций, принятых стратегий и соотношения сил. Помимо этих особенностей высоко ценятся прежде всего мобильность и многофункциональность. Какую бы точку зрения мы ни приняли, нужно признать, что «информационная революция» не ограничивается сферой труда и профессиональных отношений, но неизбежно предполагает более глубокие размышления об «информатизации образа жизни».

Трансакция (*transaction*). По этому поводу можно обратиться к разным областям знания: экономике (работы Роналда Коуза, посвященные издержкам выхода на рынок, на получение информации, создание коалиций), праву (установка логики контракта, основанной на взаимных уступках), психологии (размышление над понятием идентичности и внимание к различным субъективным и объективным, внутренним

¹ Деградация (*англ.*) в противовес усовершенствованию (*up grading*) — *Примеч. науч. ред.*

и внешним факторам)... Этот термин также широко используется в этнометодологии и относится к взаимодействиям между группами или индивидами, рассматриваемым сквозь призму различных процессов, связанных с биографией или взаимоотношениями. Как продемонстрировали Жан Реми и Лилиан Вуайе (развивая идеи чикагской школы), эти процессы не ограничиваются переговорами и аккомодацией, а ведут во многих случаях к обновлению «смысла ситуации» при помощи «переноса», «смешивания» или «гибридизации». С данной точки зрения социализация представляет собой пересечение или компромисс потребностей или желаний акторов с ценностями, присущими различным «инстанциям», с которыми они (акторы) вступают в контакт.

Такой подход может напомнить о зиммелевской метафоре моста и двери. Мост (*Brücke*) — это образ связи, установления отношений, а дверь (*Tür*) — закрытости, отделения. Эти два момента для автора «Философии денег» неразделимы, поскольку, по его мнению, «жизнь, будь то биологическая или психологическая, историческая или социальная, без конца борется с противоречивым движением к униформизации и расчленению: она остается жизнью лишь в развитии этой борьбы, придавая ей различные формы».

Политическая социология (но можно было бы также обратиться и к социологии труда) дает нам хороший пример попытки лучшего выражения связи «институциональных ограничений» и «стратегического поведения». Если индивиды находятся на «пересечении» различных групп, голосование представляется более или менее стабильной формой соответствия между восприятием или образом кандидата и мнением или предпочтениями избирателя. Здесь мы сталкиваемся с поведением, которое нельзя назвать «связанным» или оторванным от контекста, оно предстает как транс-

акционное, одновременно структурированное (по отношению к символическим системам) и подверженное колебаниям (в зависимости от вида выборов, вопросов, поставленных на голосование, или степени медиатизации выборной кампании).

Вместе с Раймоном Ледру можно сделать следующий вывод: поскольку «в социальном акторе тесно сплелись, но различными способами, социальное и индивидуальное», то именно благодаря этой связи и с ее помощью «общества образуются и распадаются или трансформируются».

Триангуляция (*triangulation*). Этот термин изначально принадлежит геодезии — науке, которая занимается определением формы Земли, рельефа и составлением карт. В этой среде он употребляется очень часто наравне с такими словами, как межевание, съемка или нивелирование. Идея «пересечения» или «наложения» присутствует и в методологии. Это понятие касается:

- **источников информации:** сравнение и синтез документов;
- **приемов исследования:** сочетание интервью, тестов и изучения отдельных случаев;
- **теоретических планов:** сочетание некоторых подходов или вопросов, например количественного и качественного подходов.

По мнению Барни Глэзера и Ансельма Стросса, речь также может идти о лучшем восприятии разнообразия и сложности человеческого поведения с помощью различных способов исследования. Представим себе, что мы хотим исследовать школьную успеваемость в данном классе. Нам понадобится некоторое количество показателей, наблюдений, сформули-

рованных гипотез, затем мы узнаем социокультурные характеристики родителей, зададимся вопросом о педагогических приемах и о стиле отношений учитель/ученик. Для завершения такого проекта можно предпринять разные шаги как с точки зрения объяснения, так и с точки зрения понимания, и если нам удастся не просто сопоставить их, а создать между ними органическую связь, то это сочетание дополнительно улучшит результат исследования.

Некогда Роберт Мертон писал: «Стереотипный образ ученого, парящего в эмпиреях чистых идей вдали от мирской суеты, выходит из моды столь же быстро, как и образ исследователя, вооруженного анкетой и карандашом и вышедшего на охоту за статистическими данными, разрозненными и лишенными всякого смысла». Нужно признать, что эмпирическая точка зрения не ограничивается сбором данных и проверкой корреляций между переменными, а также может помочь в создании, переделке, восстановлении и прояснении теории. С другой стороны, концептуальный анализ — при помощи кодификации или деривации — позволяет интерпретировать результаты и более адекватно представлять тот или иной фрагмент реальности. Все эти операции наслаиваются друг на друга и должны рассматриваться с диалектической точки зрения, а *триангуляция* способствует их сопоставлению и перспективному развитию.

Труд (*travail*). Труд, как заметил Джордж Фридман, является одновременно расходом энергии, фактором производства, источником дохода и вектором интеграции. Определение зарплаты или иерархия квалификаций, изменения в контрактной политике или соотношение между работой и личной жизнью — управление человеческими ресурсами включает в себя все эти разнообразные составляющие и вводит в оборот множество проблем.

Например, что можно сказать о росте продолжительной безработицы? Нужно ли обвинять в этом жесткость аппарата производства, высказываться в пользу разработки новых процедур компенсации или пересмотра зарплаты? Включение роботов в монтажный конвейер означает обогащение или отчуждение от собственности? Нужно ли рассуждать о многофункциональности и отходе от изолированности, или о потере навыков и сокращении возможностей найма? Актуален и временный характер занятости. Не приведет ли к неравенству различных категорий рабочих участие в использовании срочных контрактов или временного найма? И можно ли при этом эффективно бороться против увольнений?

Ценные знания по всем перечисленным вопросам дает нам рассмотрение связи между **структурами, контекстом и акторами**, позволяя лучше понимать причины гибкой системы занятости, кризис профсоюзов или феномены сегментации и дуализма, а кроме того, динамику различных отраслей, трансакционные издержки и организационную культуру. Среди наиболее перспективных направлений нужно указать анализ организаций различных форм собственности, анализ социализации и профессиональной идентичности, внутренних рынков и конвенций.

Установка (*attitude*). Установка, являясь «более или менее утвердившейся позицией субъекта действия (индивидуального или коллективного) по отношению к объекту (личности, группе, ситуации)», относится к области приобретенного, а не врожденного в отличие от потребностей в пище или сексуальных потребностей. Она обладает достаточно длительным характером и, образовавшись однажды, оказывает регулирующее воздействие на наше поведение, познание, мотивацию, не смешиваясь при этом с привычкой или

автоматизмом. Она, кроме всего прочего, отличается от черты личности, которая имеет более общий характер и, по некоторым предположениям, более стабильна; она развивается в эмоциональном плане, при взвешивании всех «за» и «против», со всеми возможными нюансами, амбивалентностью и неоднозначностью, связанными с источником информации. Ей соответствует «латентная, обобщающая структура», благотворно воздействующая, как показали Музафер Шериф и Теодор Ньюкомб, на развитие когнитивных функций или на возникновение системы ценностей.

Любая установка, согласно данным психологических исследований, имевших место в начале XX в. в Вюрцбургской школе, характеризуется особыми «признаками», объединенными в «поля», совокупность которых формирует «универсум», который следует постигать при помощи «пунктов», а последние, в свою очередь, должны соответствовать определенным степеням и не накладываться друг на друга. Основные типологии связаны с межличностными отношениями (Элиас Портер и Карл Роджерс), с «фокусированными объектами» или «генотипами» (Гордон Олпорт и Филипп Вернон).

Большинство используемых шкал удовлетворяют критерию однородности (измерения одного-отдельного параметра). Из наиболее известных упомянем самую простую и самую старую шкалу Эмори Богардуса, созданную в 1925 г. Предназначенная для измерения «социальной дистанции» между группами или индивидами, она иерархизирует поставленные вопросы и действует при помощи числовых соотношений. Надежность (валидность) процедуры зависит от правильной формулировки вопросов, причем нельзя исключить статистическое смещение. Метод Терстоуна, созданный двумя годами позже, претендует на большую «об-

ективность». При этом исследование начинается со сбора большого количества разнообразной информации о положении вещей, которое предполагается изучить, с использованием различных источников: интервью, обследований, монографических исследований... Затем «судей» или «экспертов» (чаще всего двадцать человек, выбранных случайным образом) просят распределить собранные высказывания по категориям (обычно десять или одиннадцать категорий), начиная с наиболее враждебного и заканчивая наиболее благоприятным по отношению к объекту исследования. Затем выделяют пункты, в которых мнения оказались близкими, и отбрасывают те, которые дали повод к излишне противоречивым суждениям. Высказываниям присваивается некий номер, основанный на средней оценке по цитируемости, и затем они перемешиваются и предлагаются индивидам, которые «плюсом» или «минусом» отмечают свое согласие или несогласие. Нельзя не упомянуть о высокой стоимости такого исследования, связанной с обращением к третьим лицам, которое, впрочем, происходит из благого намерения избежать произвольности в оценках и выявить коллективные нормы. Кроме того, нужно отметить, что не всегда соблюдается и принцип транзитивности в той мере, в которой вероятен выбор одной из позиций и отказ от других, даже очень близких к первой.

Шкала Ренсиса Ликерта, более удобная в употреблении, также предоставляет широкие возможности. После сбора высказываний, относящихся к конкретной проблеме, каждый пункт оценивается репрезентативной выборкой субъектов по пятибалльной шкале, от безусловного одобрения до полного несогласия. Затем, для каждого опрашиваемого суммируются оценки, данные им этим пунктам, что представляет собой «общий результат». Но нужно быть очень осторожным в интерпретациях, поскольку одна и та же сумма

не обязательно отображает одинаковую чувствительность и может относиться к совершенно различным случаям. Другие постулаты — в частности, относящиеся к эквивалентности степени согласия, каким бы ни было рассматриваемое утверждение, — также заслуживают обсуждения.

Метод «скалограммы»¹, изобретенный в 1944 г. Луисом Гуттманом, пытается разрешить эти трудности. Вопросы классифицированы в зависимости от ответов («да/нет»), высказывания, не относящиеся к проблеме, исключаются. Шкала, таким образом, становится более содержательной, а собранные мнения должны вписываться в параллелограмм (шкала тем содержательнее, чем лучше собранные мнения вписываются в параллелограмм). Коэффициент репродуктивности, измеряющий расхождение между реальной и идеальной скалограммами, является индикатором надежности (валидности). Предположим, что мы предложили 10 пунктов 100 испытуемым и среди 1000 полученных ответов есть 50, которые отклоняются от нормы. Тогда этот коэффициент будет равен: $1 - (50/1000)$, т. е. 0,95. Обычно считается, что число ошибок не должно превосходить 10% для всего теста и 20% — для отдельного пункта. К сожалению, эта шкала, будучи очень интересной, оставляет в стороне девиантное поведение и имеет тенденцию скрывать оригинальные позиции, которые было бы также интересно изучить. Кроме того, нельзя с точностью сказать, что эта градация применима ко всем областям.

Последнее замечание: существуют очень тесные связи между установками и поведением (первые могут даже «определять» поведение), но соответствие между ними далеко

¹ Скалограмма — таблица, представляющая мнения социальной группы в количественных соотношениях. — *Примеч. ред.*

не совершенно. Можно взять пример, приведенный Робертом Мертоном в 1949 г.: владелец ресторана может иметь расистские предрассудки, но в своем заведении не допустит дискриминации, и напротив, его коллега, не питая никакого отвращения к неграм или азиатам, может запретить им доступ в заведение под давлением своей клиентуры или в зависимости от конъюнктуры.

Элита (elite). Традиционно это понятие обозначает социальную категорию, состоящую из индивидов, которые в своей области деятельности занимают наиболее высокую позицию, идет ли речь о доходе или престиже, о компетенции или таланте. Вильфредо Парето в своей работе *Traité de sociologie générale* (Pareto, 1916) заостряет наше внимание на другом критерии, по его мнению, более важном: власть и политика являются прерогативой господствующего класса. Для поддержания своего господства он должен принимать в свои ряды тех, кто заслуживает этого, и «выбрасывать» в массы тех, кто больше не обладает требуемыми качествами. Любая задержка может быть вредоносной. Гаэтано Моска, а в конце 1950-х гг. и Раймон Арон писали о циркуляции элит, пользуясь каждый собственными характеристиками. Роберто Михельс и позднее Чарльз Райт Миллз разоблачали захват средств производства и давление на общество олигархии или государственной буржуазии.

Возражая монистическим вариантам интерпретации (которые часто близки к марксистской традиции, постулирующей наличие общих целей и схожих типов поведения), важно подчеркнуть вслед за Робертом Далем, осуществившим анализ полиархии, что существует множество более или менее автономных друг от друга центров, принимающих решения, которые одновременно делят сферы влияния и соперничают на одном поприще, чьи ожидания и интересы могут

быть изменчивыми и даже противоречивыми в зависимости от ситуации. Международные сравнения, проведенные, например, Робертом Патнэмом или Эзрой Сулейман, вносят дополнительную ясность в этот вопрос.

Этика (*ethique*). Прежде всего нужно рассмотреть то, что называют «моралью». Образованный от латинского *mos* (нравы, обычаи), в классической традиции этот термин обозначает как представления, руководящие человеком в его восприятии добра и зла, справедливого и несправедливого, так и философскую дисциплину, занимающуюся этими вопросами. По мнению Эмиля Дюркгейма и Люсьена Леви-Брюля, моральные требования и императивы могут восприниматься как научные объекты, которые надлежит изучать «с тех же позиций и теми же методами, как и прочие социальные факты», тем более что эти правила «обладают некоторыми отличительными чертами» и что, таким образом, становится возможным «наблюдение за ними, их описание, классификация и поиск законов, которые бы их объясняли». С точки зрения Эммануэля Левина, эта совокупность целей, ценностей и предписаний не представляет «системы, внутренне присущей единому проявлению разума», а лишь «исторический результат деятельности людей, живущих в обществе», причем регуляция и детерминированность неотделимы от порыва и отклонения.

С другой стороны, слово «этика», образованное от греческого *ethos*¹, предполагает анализ, стремление к возвращению к истокам, в целом — размышления о первоосновах, идущие дальше простого учета или изложения перечня обязанностей. Эти два слова, которые в обыденном языке часто путают, тем не менее сохраняют свою обособленность, хотя

¹ Обычай, характер. — Примеч. перев.

и принадлежат к одной аксиологической перспективе. Каким бы словом мы ни воспользовались, понятно, что существующие проблемы не сводятся лишь к пожеланиям изменений закона о финансировании политических партий или реакции общественного мнения на «темные делишки» и другие скандалы и компромат, часто появляющиеся в прессе. Они приводят нас к внимательному анализу «отношений с другими», или, как говорит Ханс Йонас, «принципа ответственности».

«Зов братства», «угроза невзгод» напоминают о проблемах приказаний и нарушений, или обо всем, что касается, в веберовском представлении, убеждений и ответственности. И в глубине картины — «рамки, которые человек ставит себе, чтобы существовать по-человечески». Например, какую позицию занять по отношению к имплантации эмбрионов, к оплодотворению *in vitro*¹, к замораживанию яйцеклеток, к оплодотворению *post mortem*²? Если обращение к внешним, трансцендентным моделям не является достаточным, мы обязаны «уважать наше собственное право вмешаться», что сопровождается, как напоминает нам Поль Рикер, разоблачением «закрытого разума», который «отбрасывает целые куски реальности как неприемлемые». Ведь из вышеприведенных проблем вытекает бесчисленное множество других: торговля органами, продажа зародышей, генетические манипуляции... Не будем забывать (для тех, кто интересуется правом родственных связей) возможные конфликты по вопросу родительских прав.

С этой точки зрения представляется очень ценным обращение не только к биологии, но и к психоанализу, истории и

¹ В пробирке (лат.). — Примеч. науч. ред.

² После смерти (лат.). Имеется в виду использование сохраненной спермы после смерти донора. — Примеч. науч. ред.

особенно к антропологии. Обратим внимание на обсуждение тезиса Лежека Колаковски о проблеме защиты европоцентризма, плодотворность разграничения сепаратизм/самобытность и выделение «антиномий равенства культур».

Если «я — это другой», если «существо никогда не является смыслом собственного существования», если «мир — это мир нашей жизни во всех», то, по выражению Эдгара Морена, — «это не существующий порядок формирует нас, но мы его формируем», т. е. продвижение универсальных ценностей должно быть так же научением уважению различий. Но некоторые мыслители «постмодерна» вслед за Жан-Франсуа Лиотаром пытаются утверждать, что «с этого момента прежде всего нас интересуют скорее непримиримый спор, чем диалог, скорее разногласия, чем соглашения, скорее неразрешимое, чем решение, неповторимость и несоизмеримость, а не существование или поиск общих точек».

Отказ от «коммуникативной общности» (важное понятие для франкфуртской школы) представляется многим наблюдателям очень большой потерей, потому что защитники этой позиции принимают ее рациональность только в свете инструментальных нарушений и не соглашаются с возможностью двух субъектов достичь понимания, а значит, и не верят в возможность консенсуса. Подписавшись под таким заявлением, мы теряем из виду основной вывод риторики Перельмана, состоящий в том, что «само существование аргументации, которая не будет ни ограничивающей, ни произвольной, придает смысл человеческой свободе, является залогом разумного выбора». И мы забываем тогда, что в момент диалога «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского» (Посл. к Галатам, III: 28). Принцип универсальности в том виде, как он был задуман и формализован Франсисом Жаком (филосо-

фия беседы) или Джоном Роулсом (контрактный подход), как нам кажется, не заслуживает дискредитации. Наоборот, его нужно поддерживать, даже если по какому-либо вопросу существует некоторая неоднозначность.

Этнометодология (*ethnométhodologie*). Этнометодология — направление в социологии, родившееся в Америке в конце 1950-х гг. и черпающее вдохновение из различных источников, в частности феноменологии, герменевтики и символического интеракционизма. Среди основных исследователей, развивавших это направление, — Аарон Сикурель, Харви Сакс и Гарольд Гарфинкель (в прошлом ученик Талкотта Парсонса в Гарвардском университете, в 1967 г. опубликовал основополагающую работу *Studies in Ethnomethodology*). Мощное влияние оказали идеи Эдмунда Гуссерля и Альфреда Шюца, тем более что основной задачей являлось возвращение на «объективистские», «научные» определения социального факта, основанные на отказе от повседневного знания. В этой области используется особая терминология, отчасти заимствованная из других дисциплин, например из лингвистики. Вот некоторые из терминов:

- **завершение** через «выход на сцену повседневной жизни»;
- **индексность**, т. е. совокупность ассоциаций, которые связываются со словом или позой, поведением в целом или целым высказыванием, которое включает «полосу незавершенности»;
- **рефлексивность**, связанная с речевой практикой в ее контекстуальном значении, идет ли речь о биографии собеседников или о типе разговора;
- **описываемость** (*accountability*), характеризующая мир, который не создан раз и навсегда, а строится «здесь

и сейчас» (каждый из социальных акторов активно участвует в «определении ситуации»).

Методически это направление предпочитает включенное наблюдение, «отслеживание» (*tracking*) и работу с документами. Тематика исследований очень разнообразна, от процедуры профессиональной ориентации (Хью Механ), работы судов (Лоуренс Видер), процессов в организациях (Дон Циммерман) до научных исследований (Майкл Ланч, Эрик Ливингстон), учета смертей в больничных службах (Дэвид Суднов), до стратегий и представлений внутри калифорнийских групп встреч (Маршалл Шумски). Повседневность, ритуалы, привычное поведение занимают здесь ведущее место.

Долгое время это направление развивалось в границах студенческих городков Беркли, Лос-Анджелеса или Санта-Барбары. Противники иногда называли его «сектой», переполненной субъективизмом, подверженной болтовне и тривиальности, но мало-помалу он распространился сперва на Западном побережье, потом в Англии (Лондон, Манчестер), в Германии (Билефельд), и совсем недавно с большим трудом нашел себе дорогу во Францию, хотя основные работы еще не переведены.

Этноцентризм (*ethnocentrisme*). Этот неологизм, созданный Уильямом Самнером в работе *Folkways*, обозначает позицию тех, кто считает, что их способ бытия, действия или мысли должен быть также предпочитаем и остальными. Основываясь на сильной идентификации индивида со своей группой и на его уверенности в ее превосходстве по некоторому набору ценностей, верований, представлений, этноцентризм является установкой, интеллектуальной позицией, при которой суждения о других выносятся на основании

собственных привычных норм и правил, и таким образом создается разделение между «варварами» и «цивилизованными», зачастую во имя сохранения идеала «чистоты» или «подлинности». Как показали Мелвилл Херсковиц, Альфред Кребер или Клод Леви-Стросс, такое поведение сочетается с неприятием многообразия культур, и обычно это понятие рассматривается как синоним нетерпимости, ксенофобии, расизма и стигматизации.

Алфавитный указатель французских терминов

- A**
acculturation 7
aliénation 80
anomie 7
attitude 147
- B**
bureaucratie 8
- C**
changement social 115
classes sociales 119
communauté 71
communication 41
compréhension 83
conflit 48
connaissance (sociologie de la) 22
conscience collective 36
conventions (socio-économie des) 45
culture 50
- D**
dialéctique 16
déviance 13
- E**
elite 151
enquêtes 73
éthique 152
ethnocentrisme 156
ethnométhodologie 155
- F**
fait social 121
famille, sociologie de la 94
- G**
groupes restreints (dynamique des) 18
- H**
habitus 12
- I**
identité 26
idéotype 26
idéologie 29
IFOP 70
individualisme méthodologique 54
INED 70
INSEE 70
- institution 32
interprétation 33
inégalités sociales 108
- M**
mobilisation 60
mobilité sociale 104
mouvements sociaux 112
méthodologie 56
- N**
nomenclature des+
professions et catégories
socioprofessionnelles 61
norme 63
- O**
opinion publique 68
organisation 76
- P**
paradigmes sociologiques 122
PCS 61
pouvoir 11
profession 84
préférences collectives 36
- R**
religion, sociologie de la 85
représentation sociales 121
rites 88
régulation sociale 112
- S**
sacré 89
socialisation 100
sociologie de l'éducation 64
sociologisme 122
sondage 67
statut 126
stratification 127
structuration, théorie de la 129
suicide 89
- T**
théorie des préférences collectives
et problématique de
l'agrégation 36
transaction 143
travail 146
triangulation 145
techniques (rapport aux — et
technicisation de la) 134

Жиль Ферреоль
Социология. Терминологический словарь
2-е издание

Перевела с французского М. Малеева

Главный редактор	<i>Е. Строганова</i>
Заведующий редакцией	<i>Л. Винокуров</i>
Руководитель проекта	<i>И. Карпова</i>
Выпускающий редактор	<i>А. Борин</i>
Литературный редактор	<i>И. Карпова</i>
Художественный редактор	<i>Р. Яцко</i>
Корректор	<i>М. Одинокова</i>
Верстка	<i>А. Борин</i>

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.2001.

Подписано в печать 24.03.03. Формат 70×100/32. Усл. п. л. 6,45.

Печать высокая. Тираж 4000 экз. Заказ № 2630.

ООО «Питер Принт». 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 67в.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
953005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.